

ОКЕАН

СЕРИЈА ДОКУМЕНТАРНИХ ФИЛМОВА

АКВАСФЕРА

Петр ЗАСПА

«КРЫЛОВ»

Петр Заспа
Аквасфера
Серия «Океан», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6741050
Аквасфера: Крылов; Москва; 2014
ISBN 978-5-4226-0239-1

Аннотация

Так началась новая история Земли, так наступило время Океана...

Большой противолодочный корабль «Североморск» уходит в дальний поход. Нечто сокрыло туманом огромный участок Карибского моря, поглотив острова, рыбаков, моряков, – все и всех. Что там внутри – неизвестно. Два российских боевых вертолета отправляются в туман. За штурвалом одного из вертолетов Сергей Субботин, рядом – штурман Евгений Голицын. И летчики даже отдаленно не представляют, что их ждет внутри аквасферы...

Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Петр Заспа Аквасфера

Хочешь выжить – кусайся!
(Из свода правил бродячих собак)

Часть первая Восход Аквасферы

Глава первая ЭОН

Как провожают пароходы? Совсем не так, как поезда! Всё верно! Слова песни точно бьют в цель, как трезвый кузнец молотом по наковальне. Однако о том, как провожают боевые корабли, не спето ни в одной песне. А зря. Потому что – это что-то!

Сергей Субботин сидел на выкрашенной красным суриком вертолётной палубе ВПК «Североморск» и глазел на сверкающее в кильватерном следе солнце. Корабль, вздрагивая корпусом на рассекаемых волнах, мчался шестнадцатиузловым ходом на запад, и только что вставший за кормой яркий шар слепил глаза, будто дуга электросварки. С нижней палубы матросы вывалили за борт отходы с камбуза, и одуревшие чайки сломя голову бросились вниз, вырывая друг у друга из клюва куски хлеба. Такого с палубы парохода тоже не увидишь. А что пароход? Ну сыграют марш славянки на причале, ну помашут ручками пассажиры из иллюминаторов. Скучота! То ли дело, когда в дальний поход уходит боевой корабль! Да ещё с такой ответственной миссией – представлять Родину на чужбине. Тут уж от блеска адмиральских кокард слепит в глазах! От застывших в строю напряженных лиц отдаёт отчаянием самураев, решивших скопом вспороть себе животы. Да и сам оцепеневший строй – будто с выставки мадам Тюссо, рискнувшей вылепить из воска экипаж большого противолодочного корабля «Североморск». Ещё бы! Ведь провожать их приехал сам Командующий Северным флотом!

Это было вчера, потому Субботин помнил всё в деталях. Чёрная «Вольво» Командующего наконец-то выкатила на причал, и три часа ожидавший его прибытия экипаж облегчённо вздохнул, затем подобрался, подтянул животы и замер с каменными лицами. Адмирал

принял доклад командира, выслушал ответный лай экипажа на своё приветствие, прошёл вдоль строя и, удовлетворённо кивнув, приступил к напутственной речи:

– Товарищи североморцы! Вам оказано огромное доверие...

Дальше голос Командующего пошёл на убыль, и до Сергея доносились лишь обрывки фраз, да сливавшееся в «та-та-та», да «бла-бла-бла» адмиральское мычание под собственный нос. Субботин стоял на левом фланге строя, где обычно пряталось от глаз начальников авиакрыло, и понимал, что лёгкие у старенького комфлота не кузнечные меха, да и глотка уж не та, что была раньше, а потому пусть рассказывает сам себе затасканные речи, только бы поскорее их закончил.

– Ура-а-а! – Ни с того, ни с сего вдруг заревел строй, и у Сергея зародилась надежда, что дело движется к концу.

Но адмирал и не думал подводить черту и с напутственных слов перешёл к угрозам:

– А если кто... А не дай бог, кто опозорит... Если какая сволочь...

Троекратное ура!

Субботин украдкой зевнул и покосился по сторонам. Такой диалог Командующего с экипажем напоминал ему разговор глухого с немым. Или анекдот об офицере, прибывшем в незнакомый гарнизон:... Офицер остановил первого попавшегося солдата и спросил:

– Рядовой, как пройти в штаб?

– Никак нет!

– Что – никак нет? – опешил офицер.

– Ура-а-а! – дико заорал солдат и побежал в столовую.

Адмирал, тем временем, чувствуя, что запас его напутствий начал иссякать, набрался сил и напоследок выложил, едва не сорвав горло:

– Родина в вас верит! Так оправдайте это доверие!

Дальше его слова заглушил оркестр, и строй радостно качнулся, чтобы торжественным маршем наконец-то закончить этот мазохизм.

Нет, что ни говорите, а далеко пароходу до таких пафосных проводов! Пусть нет пёстрых юбок и сопливых детей на причале, потому что их убрали подальше с глаз долой за забор, чтобы не подслушивали адмиральских откровений, но зато какой драйв в онемевших ногах. А и вправду – зачем на причал пускать семьи? Лишние слёзы, да повисшие дети на шеях. Не вяжутся они с торжественной обстановкой такого серьёзного мероприятия как провода боевого корабля в дальний поход. Отпустили же ночью офицеров корабля на три часа домой, чтобы не забыли, что у них есть жёны. Да чтобы приняли от знакомых метровые списки с заказами на подарки из далёкой чужбины. Вот и хватит им этого. Но чтобы в шесть ноль-ноль были на корабле! Хотя все знали, что адмирал прибудет к одиннадцати, но тут сработал, так называемый «сержантский зазор». На час раньше назначил построение командир эскадры. Ещё час добавил командир дивизии. Часом перестраховался начальник штаба дивизии. Вот и стояли с рассвета, как умирающие на ветру деревья, ожидая Командующего. Зато когда дождались – какая радость!

Нет, пароход – это блестящее эмалью корыто, по сравнению с серым и стройным боевым кораблём! Субботин ни разу не пожалел о том, что подался после школы в военное авиационное училище и стал морским лётчиком. Другие варианты возможных жизненных течений приводили его в ужас. Ну, к примеру, закончил бы он какой-нибудь гражданский институт? И что? Был бы сейчас в той или другой конторе запуганным офисным планктоном. А так, он – командир боевого вертолёта и сейчас идёт представлять с дружеским визитом великую Россию в далёкой Венесуэле! Звучит?! То-то!

А ведь поначалу, как блажила вся его родня! Чего только не говорили. И нет у нас в роду ни одного военного! И армия уже не та, что была раньше! Спрячут тебя в таком гарнизоне, что и на оленях не добраться!

А он упёрся, как носорог, застрявший рогом в баобабе, и ни шагу назад. А всё потому, что однажды подросток Серёжа Субботин понял – труднее всего даются сильные решения. Проще всего – тупо ходить на работу!

И пусть он видит облупленные пятиэтажки родного гарнизона Сафоново вместо неоновых огней столичного мегаполиса, зато наелся романтики и адреналина по самое горло. Да ещё и с другими поделиться останется. Жизнь даётся один раз, а удаётся ещё реже. Капитан Субботин считал, что она ему удалась, и ни разу не пожалел о своём выборе.

Чайки, подобрав с воды оставшийся мусор, теперь осмелились примоститься на леера и глазели на руки Серёги взглядом медведя-попрошайки из зоопарка. Субботин достал из кармана блестящую фольгу от шоколада, скомкал и бросил за борт. Купившись на обман, чайки сорвались вниз и устроили в воздухе жестокую бойню. Сергей улыбнулся и подошёл к краю вертолётной палубы, наблюдая за птичьей дракой.

– Товарищ капитан, – оторвал его от созерцания чаек прапорщик из технического экипажа. – Полёты по маршруту до прибытия в Венесуэлу будут? Нам бы регламентные работы организовать. Вооруженец просит в проводке цепи сбрасывания покопаться.

Немногим известно, что у любого летательного аппарата всегда есть два экипажа. Первый – это лётный, а второй – технический. И ещё неизвестно, кто для вертолёта важнее – те, кто его эксплуатирует, или те, кто с ним нянчится. Главная нянька – это старший техник. А ещё есть спецы по авиационному оборудованию, двигателям, вооружению и прочей всячине, без которой немислим современный боевой вертолёт. Субботин техников уважал и потому, похлопав прапорщика по плечу, доверительно сказал:

– Спроси, Миша, чего попроще. Сами ничего не поймём. На инструктаже о полётах ни слова.

– Да, удивительно как-то, – пожал плечами прапорщик. – Сколько служу, первый раз вижу, чтобы на подвески бомбы цепляли. Да ещё в поход.

Сергей согласно кивнул. И вправду – странный какой-то дружеский визит в чужой порт получался. Он уже имел опыт таких походов и прекрасно знал их специфику. Обычно на борту корабля было не протолкнуться от бесцеремонной орды всяких представителей, которым край как надо побывать в иностранном порту. Тут и главный штаб ВМФ пришлёт своих адмиралов, чтобы проветрились на морском воздухе, да привезли мешок сувениров. И гражданская власть, прослышав о походе, постарается протиснуться на борт боевого корабля, вспомнив, что где-то там есть город-побратим.

Ах, это не в этой стране?! Тем более нам нужно с вами! Заключим новые дружеские связи!

Обязательно пришлют попа – а то как же матросики будут без утешающего слова пастыря! Будто это утешающее слово им не нужно было, когда корабль уходил на боевую службу. Но там шторма, тяготы, боевой поход длится долго, нет заходов в чужие порты. А это уже никому не интересно.

Но отсутствием всяческих прилипал необычность этого похода не ограничивалась.

Большой противолодочный корабль. Название само за себя говорит: главные цели – вражеские подводные лодки. Все системы и вооружение корабля направлены именно на борьбу с ними. Чтобы расширить боевые возможности, ВПК прячет в своих ангарах два противолодочных вертолёта Ка-27. Но перед походом, неожиданно, один из вертолётчиков заменили на Ка-29. А это, пусть и созданный на одной базе с противолодочником, но уже штурмовик. Случай исключительный, так как основными носителями Ка-29 являются большие десантные корабли, а не ВПК. Но и это ещё не всё! Если обычно на Ка-29 на четыре точки подвески оружия крепились блоки неуправляемых ракет или могли установить контейнер с двуствольной двадцатитрёхмиллиметровой пушкой, то, к огромному удивлению вооруженцев, телеграммой сверху приказали подвесить четыре авиационных бомбы ФАБ-100.

Всё это скорее напоминало поход корабля в «горячую точку», чем визит в дружественную страну.

– Спроси у Дмитриева, может, он чего знает? – пожал плечами Сергей.

Прапорщик поморщился и, ныряя по трапу с вертолётной площадки вниз, бросил на ходу:

– Пусть стартех спрашивает.

Командир эскадрильи подполковник Александр Михайлович Дмитриев был старшим авиагруппы, разместившейся на ВПК. Все вопросы, касающиеся авиации, командир корабля решал только с ним. Но Субботин сомневался, что и Михалычу что-то известно. Обычно, если он что-то знал, то это тут же становилось достоянием всех.

Неожиданно двое корабельных офицеров, вышедших подышать свежим воздухом на верхнюю палубу, разом бросились внутрь корабля, а матросы, вяло наводившие лоск возле рубки дежурного, схватили щётки и ринулись скрести палубу.

Субботин оглянулся и тотчас понял причину тихой паники. На ходовой мостик, сверкая штытыми погонами на жёлтой безрукавке вышел Клизма. Конечно, у командира дивизии была другая фамилия. Но уж очень он любил, громыхая на совещаниях, повторять:

– Я вам, товарищи офицеры, вставлю клизму по самое не балуйся! Я вам мозги прочищу!

Странное представление было у контр-адмирала об анатомии морских офицеров и местоположении их мозгов. И неизвестно, стали они умнее после адмиральских угроз или нет, но только прозвище «Клизма» приклеилось к комдиву намертво. За глаза так его называли все, от матроса до старпома. Командир стеснялся.

Пошевелив торчащими в стороны усами, Клизма недовольно бросил взгляд на тусклую рынду и крикнул кому-то внутрь:

– Командира ко мне!

«Понятно, – подумал Субботин. – Сейчас будет прочищать мозги. Рында-то не горит огнём! Как с такой рындой идти в Венесуэлу? Впору домой поворачивать!»

Комдив немного потоптался и, не дождавшись командира, исчез внутри корабля. Зато рядом с Субботиным из трюма вынырнул старпом. Сергей усмехнулся и кивнул в сторону ходового мостика:

– Пошли кого-нибудь драить рынду, а то Клизма уже за сердце хватался.

– Да? – старпом тусклым взглядом огляделся по сторонам и нехотя огрызнулся: – Подождёт. Я уже не успеваю туда, куда он меня носом тычет. Нет людей! Все на работах заняты.

– Да, – согласился Субботин. – Тихо как-то для визита. А этот, что в костюме рядом с комдивом трётся, – кто это?

– Не знаю.

Старпом не был склонен к беседе и всё время крутил головой, дабы не прозевать очередное явление командира дивизии. Но контр-адмирал не появлялся и, немного успокоившись, он добавил:

– Из Москвы. Мутный какой-то. Клизма сам ездил его в аэропорт встречать. Какой-нибудь куратор из правительства или МИД. Я ему специально каюту рядом со своей выделил, чтобы лучше познакомиться. Вчера вечером по-людски взял спирт, зашёл в гости.

– И что? – заинтригованный Субботин вздёрнул бровь.

– А ничего! Вежливо меня послал.

Старпом презрительно сплюнул за борт и вновь исчез в трюме.

Таинственный незнакомец в строгом чёрном костюме был единственным посторонним человеком на корабле. Ни с кем не разговаривая, он некоторое время ходил хвостом за комдивом. Затем, немного освоившись на корабельных трапах, исчез в своей каюте, появлялся лишь изредка, чтобы подняться палубой выше, во флагманскую каюту, на обед.

Сергей немного поразмышлял над словами старпома и тоже пришёл к выводу, что скорее всего «пиджак» из Министерства иностранных дел. Какой-нибудь советник или консул из посольства, присланный, чтобы подсказывать начальству, как вести себя на дружеских банкетах, чего можно болтать, а где лучше помолчать и не ляпнуть лишнего по пьяни.

Не дождавшись командира корабля, на верхней палубе вновь появился Клизма. Теперь он раздувался от праведного гнева. Глаза выкатывались из орбит, щёки налились багровым огнём, и ему срочно нужна была жертва. Не заметив никого достойного, комдив ринулся в рубку дежурного по кораблю. Уж там-то будет кем поживиться! Но, не дойдя нескольких шагов до своей цели, комдив неожиданно споткнулся взглядом об Субботина. Он замер и, пошевелив усами, неопределённо заметил:

– А-а... авиация...

Не зная, что произнести дальше, потому что заставлять лётчика драить рынду не в адмиральских полномочиях, Клизма оглядел голубой комбинезон Сергея и добавил:

– Старпома не видел?

– Никак нет, товарищ комдив.

Безмятежный и нагловатый взгляд Субботина подействовал на Клизму успокаивающе. Он тяжело выдохнул. Кровь откатилась с лица. Гнев сменился на милость, и уже спокойно, дёрнув рычаг на двери рубки, комдив приказал дежурному по кораблю:

– Дай команду, чтобы командир и старпом прибыли ко мне в каюту.

Затем, ещё раз окатив Сергея подозрительным взглядом, контр-адмирал заковылял к трапу.

Субботин хмыкнул ему в спину. Всё-таки как хорошо иметь авиационный иммунитет! В этом вечном споре между корабельным экипажем и лётчиками, последние всё-таки сумели отстоять свою независимость. А начались эти разногласия ещё в те времена, когда авиация только разместилась на кораблях. Флотоводцы упорно требовали от лётчиков жить по закону корабельного устава. Авиация яростно отбивалась и создавала свои, всё новые и новые приказы и наставления, требующие соблюдать их лётные законы. И точку в этом споре, можно сказать уверенно, поставил элементарный шантаж – жизнь по внутреннему корабельному распорядку не даёт возможности лётному экипажу спокойно готовиться к полётам. А это, в свою очередь, неминуемо приведёт к катастрофе!

Если, не приведёшь Господи, рухнет вертолёт, то комиссия по расследованию лётных происшествий первым делом спросит:

– А был ли предоставлен экипажу предполётный отдых? Как не был?! Кто посмел?! Адмирал Клизма? В тюрьму адмирала Клизму!

Так что с лётчиками лучше не связываться – себе дороже. Проще топтать своих, корабельных. Этим крыть нечем, эти всё стерпят.

Так и жили лётчики сами по себе. Вроде бы прикомандированные и прибывшие в подчинение флотского командования, но полностью независимые. Со старшим авиагруппы согласовывались предстоящие полёты, задачи на поиск лодок, ведение разведки по курсу движения корабля, но не больше.

За спиной Субботина загудели открывающиеся настежь двери вертолётного ангара, и он, поднявшись на полётную палубу, заглянул внутрь. Техники разворачивали кабели электропитания, готовились к работе.

– Дмитриев добро дал? – поинтересовался Сергей.

– Он самый, – ответил старший техник. – Сказал, что до Проливной зоны точно полётов не будет.

«Ну что ж, – пожал плечами Субботин, – не будет, так не будет. С полётами, конечно, время пролетает быстрее. Но раз нет, так нет».

Он немного поглазел, как техники, расположившись в его кресле и кресле штурмана, щёлкают тумблерами, оживляя вертолёт огнями, затем спустился в каюту к Дмитриеву. Командир эскадрильи сидел за столом и перелистывал стопку документов.

– Александр Михайлович, разрешите? – Субботин постучал в открытую дверь. – Там на обоих вертолётах техники копаются? Регламентные работы затеяли.

– Я разрешил.

– Да? – Сергей сделал удивлённое лицо. – Я подумал, вдруг по пути понадобится какой-нибудь корабль облетать? А они свою работу на день развезут. Может не стоило сразу на двух бортах начинать?

– Никого облётывать не будем. Приказано беречь топливо. В Венесуэле налетаемся.

– А-а... – Сергей понимающе кивнул. – Опять показухой будем заниматься?

– Похоже на то. – Дмитриев нашёл нужный лист и, скомкав, бросил в урну под столом. – Я так думаю, что наши хотят впарить венесуэльцам свою технику. А потому ещё налетаемся.

Субботин наморщил лоб. Теперь понятно, почему противолодочник заменили на Ка-29. От штурмовика грохоту больше. А на представлениях, где надо произвести впечатление на потенциального покупателя, это главное. Побольше огня, дыма и рёва турбин. В таком контексте и бомбы вроде как к месту.

Сергей удивился, почему он сам до этого не додумался? Это же так понятно и логично!

Он с уважением посмотрел в спину Дмитриеву – старый воин, мудрый воин! Да... обидно, что сам сразу не раскусил смысл их визита в другую страну. Стало быть, есть ещё чему учиться у бывалых товарищей! Теперь и этот тип в костюме тотчас обрёл смысл своего нахождения на корабле. Наверняка, представитель оборонной промышленности. Как говорил кот Матроскин из Простоквашино: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить что-нибудь ненужное». Иначе говоря, чтобы построить что-то новое, нужно продать что-то старое. Вот и идут они к венесуэльским товарищам вроде как выразить уважение дружеским визитом и в тоже время невзначай подмахнуть пару контрактов на поставку вооружения. Ну что же, дело надобное! Если Родина скажет, то уж грохоту они наделают на чужой земле! Пусть она не сомневается – такого дыма напустят, что покупатель даже торговаться не станет, только бы не упустить подобное чудо техники! И пусть оно у нас уже летает тридцать лет! Ну и что? Стало быть прошло проверку временем, а потому ценней вдвойне.

Субботин закрыл дверь каюты комэска и пошёл в свою, расположенную по соседству. Жили они вдвоём со штурманом. Женья Голицын лежал в ботинках на заправленной койке и храпел из-под толстенной книги «Война и мир». Шедевр Льва Толстого сморил его на самом интересном месте, когда свистящее ядро вот-вот должно было оторвать ногу князю Андрею Болконскому. Женья считал, что обязательно должен одолеть этот роман, так как к тому обязывала фамилия. Он был уверен, что своими корнями тянется к знаменитым российским князьям, и потому должен соответствовать их интеллектуальному уровню. Женья учил иностранные языки, много читал, мечтал в отпуске сходить в конный клуб, чтобы по-настоящему почувствовать, как благоухает взмыленная лошадь. Субботина называл не иначе как Серж. Никогда не матерился и любым своим словам пытался придать лоск благородства и изысканного совершенства. Поначалу над ним смеялись, потом привыкли. Сергей был уверен, что в автобиографии Жени наверняка указано рабоче-крестьянское происхождение, иначе бы не видать ему военного училища, но если уж другу так хочется, то пусть чувствует себя потомком князей. Тем более, штурман он грамотный, и слетались они с ним так, что понимали друг друга с полуслова. У Сергея даже было подозрение, что попал он в этот поход, сходить в который имелось немало желающих, лишь благодаря своему штурману. Женья неплохо владел испанским языком, и, возможно, Дмитриев рассчитывал иметь под рукой переводчика, а потому вторым экипажем пришлось назначить экипаж Субботина. Невысокого роста, щуплый, с неизменно грустным взглядом побитой собаки, всегда рассу-

длительный и невозмутимо спокойный, Женья был классическим примером истинного штурмана. Потому что у этой прослойки авиационной интеллигенции главное не тело, а голова. Сергей хорошо помнил, как в училище преподаватель давал характеристику такому существу, как штурман. Вначале он свернул из пальцев фигуру напоминающую кукиш, с тем отличием, что большой палец вставил не как положено между указательным и средним пальцами, а между средним и безымянным. Затем, гордо взглянув на своё сооружение, сказал: «Это лётчик». Развернув, чтобы всем было видно еле видную фалангу большого пальца, он пояснил: «Это голова, а остальное плечи!» Потом показал кулак и добавил: «А это штурман».

– Вот это всё голова! – произнёс он, обхватив кулак ладонью. Затем, глядя сверху вниз на притихших курсантов и потрогав пальцами узкое запястье, изрёк: – А это плечи! Чувствуете разницу? И самое обидное, товарищи курсанты, что вам, будущие пилоты, придётся слушаться этот так называемый мешок с поправками.

Критерии подобного отбора накрепко осели в приёмных комиссиях лётных училищ. В лётчики отбирали крепких парней, с непоколебимым вестибулярным аппаратом. А если слаб в математике, ну так что же, на тот случай рядом с лётчиком будет штурман. А вот штурманам, если и давали небольшие поблажки на медкомиссии, то уж на экзаменах по точным наукам спуску не было никакого. И если Голицын напоминал классического штурмана, то уж Субботин точно был настоящим лётчиком. Широкоплечий, коренастый, с коротким ёжиком на голове и цепкими, сильными руками, способными бороться с большими нагрузками на штурвале и рычагах управления. А вот оперировать в уме градусами курса или поправками угла сноса, как это делал Женья, тут уж извините, кто на что учился...

Сергей задумчиво понаблюдал, как от храпа трясётся книга, затем двинул ботинком в койку штурмана.

– Капитан Голицын, вы храпите как полковая лошадь!

– А-а! – спохватился Женья. Затем, увидев перед собой Субботина, недовольно спросил: Чего тебе, Серж? Напугал меня...

Штурман потянулся, протёр глаза и, зевнув, поинтересовался:

– Что там в мире творится?

– Пока всё спокойно.

– А зачем ты меня разбудил?

– Да так... узнать, как тебе спится.

– Нормально спалось, – ответил раздражённо Женья, так и не сумевший привыкнуть к подобным выходкам друга, – пока кое-кто не продемонстрировал своё свинство.

– Ничего, у тебя ещё получится. Можешь спать до самой Венесуэлы.

– Любопытно. Наступил мир во всём мире, и мы больше не нужны?

– Скорее, наоборот. Михалыч сказал, что будем впаривать своё железо нашим друзьям.

Нужно, чтобы и у них такое же было.

– Ну так покажем в лучшем виде. А будить зачем?

– Потому что сам уже спать не могу.

– Да... – только и смог выдавить Женья. – Где вы только такие берётесь?

Субботин не кривил душой. Военная служба – это своеобразная синусоида. То вверх, то вниз. Чаще всего это такая запарка, что забываешь собственное имя. Постоянный пресс, аврал и нервотрёпка. Но бывают и будни, подобные этим, когда никому не нужен, можешь спать дни напролёт и никто о тебе не вспомнит. Поначалу это безделье радует, потом превращается в пытку. Рубеж у всех наступал по-разному. У кого-то через недели, а кому-то и суток хватало. Прошёл лишь день, а Сергей уже начинал мучиться от такого ничегонеделанья. И перспектива пройти весь маршрут в подобном режиме, без полётов, без охоты за подводными лодками и без облётов всего, что попадалось на пути, начинала пугать.

Сейчас ВПК шёл вдоль берегов Норвегии, огибая Скандинавский полуостров. Через три дня на картах корабельных штурманов показались справа на траверзе Фарерские острова, а слева Шетландские. И тогда Субботин понял, что ещё немного и он сойдёт с ума. Все сканворды перерешены, газеты перечитаны, от шахмат пестрит в глазах, а сутки поделились на завтрак, обед и ужин. Теперь, глядя как слаженно работают офицеры корабля, у которых всё время разбито на вахты и на безделье не остаётся ни минуты, Сергей сам пошёл к старпому.

– Назначь меня на какое-нибудь дежурство! – попросил он, заглянув к тому в каюту. – Куда угодно!

Старпом удивлённо оглянулся, посмотрел на Субботина выпученными глазами, напоминая вытасченного на поверхность краба, и недоверчиво переспросил:

– Куда?

– Говорю же – куда угодно!

Подумав с минуту над словами Сергея, старпом предложил:

– Походный штаб уже перегрызся, кому по ночам с обходом по кораблю ходить. Хочешь, я тебя им предложу?

– Давай!

– Время какое возьмёшь? Раз сам вызвался, думаю, они тебе выбор предоставят. Бери после подъёма. Не сильно напрягает.

– Нет. Запиши в самую задницу!

– Как хочешь. – Старпом безразлично пожал плечами. – С четырёх до пяти подойдёт? Не проспишь?

– Самое то!

Довольный Субботин пошёл в корму, где располагались каюты авиакрыла. Теперь и он не трутень в этом улье. И от него какая-то польза появилась. Он деловито установил будильник на часах, чем поверг штурмана в изумление, и с чувством собственного достоинства рухнул на койку. И надо же! Лишь ощутив ответственность за порученное дело, он сразу уснул. От бессонницы не осталось и следа.

Звёздная ночь Атлантики ошеломила своей красотой и бесконечной глубиной. Безлунная, освещённая тысячами звёзд, сплетающихся в узлы Млечного пути, и усеянная пятнами скоплений и галактик, она зависла над головой, казалось, на расстоянии вытянутой руки. Субботин вышел на верхнюю палубу, да так и застыл, оглушенный и оцепеневший. Вот так вот и просыпаешь настоящее чудо. Если бы не ночной обход, то и не увидел, как прекрасна ночь в океане. Прохладный ветер гулял между надстройками корабля и прибывал серый дым из трубы к горевшей искрами воде. Волны в три-четыре балла монотонно раскачивали корабль, и он поскрипывал металлом, переваливаясь с одного борта на другой. Где-то там недалеко, за чёрным горизонтом, скрывались берега Англии. Но они казались гораздо дальше, чем это нависающее над головой звёздное небо. Так бы стоял и стоял, растворяясь в невесомости астрального мира.

Очарованный Сергей вздохнул, и, вспомнив о предстоящем деле, направился к трапу на нижнюю палубу, где находились матросские кубрики. Пропетляв по узким коридорам с ещё более узкими входами в помещения с двухъярусными койками, он решил заглянуть в один из кубриков. Сидя за столом и уткнувшись лбом в кулаки, проигрывал в борьбе со сном матрос с синей повязкой на рукаве. Услышав лязг двери, он вскочил и едва не рухнул на затёкших ногах. Сергей хмыкнул, рассматривая отпечатавшиеся на его щеках узоры.

– Что, воин, спишь?

– Никак нет, тащ. ... – матрос прищурился, силясь в тусклой синеве дежурного освещения рассмотреть погоны на рубашке проверяющего. – Товарищ капитан-лейтенант, дежурный по кубрику матрос Иванов!

– Не угадал. Я просто капитан. И не ори, других разбудишь. Им, в отличие от тебя, спать не запрещается.

– Я не спал.

– Да ладно, начинаешь мне рассказывать. А то я не вижу. Ты не спи, Иванов, а то крыса ухо отгрызёт, – улыбнулся Сергей.

– Виноват, товарищ капитан, – матрос повинно потупил глаза, – укачало.

– Понятно. Нормально у тебя?

– Так точно! Без замечаний!

Субботин вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Что с матросов взять? Они, в отличие от него, бессонницей не мучаются. А если ещё бедняга только начал службу, то ему остаётся лишь посочувствовать. После обхода проверяющий обязан все обнаруженные замечания записать в журнал проверок, чтобы затем командир корабля делал выводы. Но сдать уснувшего Иванова у Сергея не возникло даже мысли. Измученные службой матросы вызывали у него только жалость.

Выбравшись наверх, Субботин пошёл вдоль правого борта по коридору с офицерскими каютами. Под ногами от переборки к переборке¹ в такт раскачиванию корабля ездил рыжий комок, похожий на меховую шапку. Остановившись, Сергей долго смотрел на скользящий по гладкому линолеуму предмет, пока не догадался, что это свернувшийся в бублик кот, которого моряки взяли с собой для сокращения поголовья крыс. Но морская болезнь оказалась для него тяжким испытанием, и теперь он вместо ужаса для грызунов превратился для них в посмешище. Субботин осторожно переступил кота и остановился перед дверью с табличкой – «ПЭЖ».

Пост энергетики и живучести – интересно! – Сергей, недолго думая, заглянул внутрь. Тесное помещение, наполненное жужжанием и мерцанием приборов, ударило в глаза ярким светом. Но белая лампа под потолком не мешала спать двум матросам, которые уж точно должны были бдительно следить за стрелками под стеклянными кругляшками.

«Да что же это такое! – ругнулся в сердцах Субботин. – И этих укачало?»

Один, откинувшись на стуле и закинув неестественно голову назад, храпел, распахнув рот, будто кит, фильтрующий воду с креветками. Второй уткнулся лбом в стол и мотал повисшей рукой, касаясь собственных ботинок. Сергей долго стоял, решая – как бы их поинтересней взбодрить? Просто крикнуть или дать обоим подзатыльник показалось скучным. Ничего не придумав, он взял со стола вахтенный журнал и вышел, осторожно закрыв за собой дверь.

В самое тяжёлое, предрассветное время, похоже, только вахты, связанные с управлением кораблём, бодро несли своё бремя. Те, кто был на вторых ролях, не упускали случая наверстать недосып в служебное время. Такое умозаключение не было для Субботина открытием. Потому что сама служба на корабле направлена на измор матроса, по известному отслужившим на флоте морякам принципу: нам не нужна ваша служба, нам нужны ваши мученья! В этом нет никакой военной тайны, и для этого не нужно бродить ночью по палубам. Достаточно днём посмотреть на осунувшиеся и серые матросские лица.

Сергей зашёл в рубку дежурного по кораблю и бросил вахтенный журнал на стол. Рослый старший лейтенант оторвал взгляд от исписанной рабочей тетради и удивлённо посмотрел на его синие просветы на погонах. Видеть блуждающего среди ночи по кораблю лётчика, очевидно, ему ещё не доводилось.

¹ Переборка – вертикальная (реже наклонная) стенка, разделяющая внутренне пространство судна на помещения (отсеки), а также наружная стенка надстройки и рубки.

– Это тебе привет из ПЭЖ, – кивнул на журнал Сергей. – Сам буди своё сонное царство. Старший лейтенант покраснел, затем схватил микрофон внутрикорабельной связи, нажал нужную клавишу и заревел сквозь зубы жутким басом:

– ПЭЖ, дежурному по кораблю!

На другом конце заскрипело, засвистело и старательно бодрящимся голосом откликнулись:

– Ответил, ПЭЖ!

– Кому спим, беременные бандерлоги?!

– Никак нет, товарищ старший лейтенант! – попытался оправдаться дрогнувший голос.

– А ну быстро оба ко мне с вахтенным журналом! Придёте без журнала – убью!

Субботин пожал плечами и, смутившись, вышел. Наверное, всё же надо было ограничиться подзатыльниками, а то этот их точно убьёт.

До конца выделенного времени на обход оставалось ещё пятнадцать минут, и он решил эти минуты честно отработать. Вернувшись на палубу офицерских кают, Сергей пошёл в нос корабля, планируя проверить ещё пару кубриков и на этом заканчивать. Блеснула жёлтой латунью табличка на дверях каюты старпома, а за ней светящейся щелью каюта гражданского «пиджака». К удивлению Субботина, мутный тип, как назвал его старпом, не спал. Выставив в открытый иллюминатор телефон космической связи, он с кем-то оживлённо разговаривал. Сергей прошел бы мимо, подслушивать было не в его правилах, но неожиданно «пиджак» упомянул о вертолётах.

– Вертолётами придётся пожертвовать, – ответил он на чей-то вопрос, и, придавив ухо к телефону, добавил: – Можно даже кораблём, но до этого, я надеюсь, не дойдёт. Достаточно вертолётов.

Субботин замер, прислушиваясь. Сначала он подумал, что «пиджак» предлагает собеседнику отдать или подарить Венесуэле их вертолёты. Но тогда он так бы и сказал – подарить. А от слова пожертвовать отдавало каким-то холодом или предательством. И тогда Сергей понял, что тут дело гораздо серьёзней.

– Вы совершенно правы! – поддакнул кому-то «пиджак». – Если с ними произойдёт тоже, что и с другими самолётами, то мы будем точно знать, что путь по воздуху в неё также заблокирован. Официально объявим, что вертолёты по вине экипажей столкнулись в воздухе и исчезли в море.

Затем на другом конце долго говорил кто-то, очевидно, главный, а «пиджак» лишь внимательно слушал. Дверь каюты стояла на стопоре, оставив щель для проветривания, и Субботин отчётливо видел его спину в зелёной военной майке.

– Безусловно, мы выиграем в любом случае, – снова откликнулся «пиджак». – Главное заострить на этом всеобщее внимание, и, умело разыграв дипломатическую карту, мы сумеем возглавить мировую консолидацию!

Дальше разговор пошёл о международных отношениях и странах. Прозвучало имя американского президента, а затем и вовсе посыпались малопонятные термины и незнакомые имена. Больше подслушивать Сергей не стал. Стараясь не шуметь, он отошел от двери каюты и, позабыв о незавершённом обходе, двинулся в корму.

Рухнув на койку, он долго смотрел в потолок, слово за словом прокручивая разговор «пиджака». В голове вновь образовался полный сумбур, и Субботин понял, что они с Дмитриевым попали пальцем в небо. Затеваются что-то гораздо более серьёзное, чем банальное всучивание собственной техники. Да и пусть бы господа дипломаты или разведчики играли в свои игры, только бы не втягивали их в эти тёмные дела. А судя по обронённой «пиджаком» фразе, экипажам вертолётов отводилась не последняя и весьма незавидная роль.

Сыграли подъём. Загремели на трапах ботинки. Захрипела внутрикорабельная трансляция, извещающая, что сейчас по каютам будет подана вода. Корабль оживал. А Субботин про-

должал лежать и глядеть в потолок. Проснувшись, заворочался штурман. Приподнявшись на локте, он удивлённо спросил:

– Ты уже встал? Что случилось?

– Жень, а ты написал завещание? – задумчиво спросил Сергей.

– Завещание? – Голицын громко икнул, затем понимающе ухмыльнулся. – Кошмаров насмотрелся? Серж, это потому, что по ночам надо спать, а не шастать по кораблю.

– Нет, я просто так спросил. Слышал, что на Западе это норма. Там даже двадцатилетняя молодёжь пишет на всякий случай.

– Нечего мне завещать. Если что, то всё моё добро друзья по карманам разберут. Да и то не всем хватит. А к чему ты завёл этот разговор?

– Да так просто.

– Понятно. Это называется хандра, мой боевой друг. Раньше от неё человечество лечилось войнами. Сейчас алкоголем и наркотиками. Я надеюсь, ты до этого не опустишься?

– Не дождёшься. Жень, а ты готов, если придётся, пожертвовать собственной жизнью?

– Да что на тебя накатило? Ты ночью в трюме нашёл мешок с задумчивой травой? Хватит страдать! Идём, а то завтрак пропустим. Ты мою рубашку не видел? В кают-компанию не принято в комбесте заходить.

– Дверь каюты скрипнула и внутрь заглянул Дмитриев:

– Чего разлеглись? Не затягивайте. Завтрак, сказали, строго в своё время! Сразу после него в кают-компании будет совещание. Субботин, пойдёшь со мной.

– А я зачем?

– Чтоб мне не скучно было!

На подобные совещания обычно должен ходить лишь старший авиакрыла. Если что-то скажут важное, то он затем доведёт до остальных. А лишним толпиться в тесной кают-компании совсем не обязательно. Но Субботин догадывался, почему Дмитриев всегда хотел, чтобы рядом был кто-то из своих. Лётчик от Бога, бывалый и опытный Александр Михайлович, изучивший вертолёт, как заутки собственных карманов, прекрасно знающий своё дело командир эскадрильи, робел перед большими начальниками. Был он уже в годах и ещё застал то время, когда трепет перед лампасами, шитыми звёздами и каракулевыми шапками вжигался калёным железом с курсантской скамьи. Для Субботина этот страх Дмитриева всегда был неприятной загадкой. Обидно видеть, как у лётчика, который для многих в полку был кумиром, дрожит голос, когда он докладывает какому-нибудь генералу, а то и полковнику. А ведь слава о командире эскадрильи прогремела далеко за пределами гарнизона. Однажды, в страшный шторм, он спасал моряков с тонущего рыбацкого сейнера. О том, чтобы сесть на раскачивающуюся среди волн лоханку, нечего было и думать. Дмитриев сумел поставить на палубу одно колесо и под ураганным ветром мастерски повторял все движения судна, пока на борт вертолёта не перебралась вся команда.

Субботин был убеждён, что все эти лампасы, заработанные на кремлёвском паркете, не могут даже близко равняться с мятыми подполковничьими погонами комэска. И всегда с жалостью смотрел, как Дмитриев теряется при виде начальства. Сам Сергей был из другого теста. Уже иное поколение, с гипертрофированным чувством собственного достоинства. Но, бывало, иногда залётный генерал начинал грозно рвать горло и, брызгая слюной, страшно вращать глазами, глядишь, и оробели рядом стоящие в строю товарищи, даже из молодёжи. Но только не Сергей. Потому что против подобного напора он придумал собственное противоядие. Что делает этих генералов грозными? Правильно – вся эта нацепленная на них золотая мишура. А значит, надо их её лишить. И Субботин начинал мысленно генерала раздевать.

«Так... что у нас под наутюженным кителем? – прикидывал он, скосив глаза. – Волосики на груди жиденькие. А животик синенький и дрябленький. А какой огромный! Не иначе товарищ генерал проглотил бомбу! А что внизу? Наверное, запал! Что ж такой короткий? Так и до укрытия не успеем добежать!»

Генерал уже перешёл к размахиванию кулаками. Строй застыл с повинными лицами. А Сергей давился от еле сдерживаемого смеха.

Дмитриев же, чтобы ощущать себя немного уверенней, тащил с собой кого-нибудь из своих летчиков, чтобы чувствовать рядом дружеский локоть. Субботин к командиру эскадрильи испытывал двоякое чувство. Восхищение лётным мастерством омрачалось презрением перед его страхом. И началось это после одного неприятного случая.

...Год назад нагрянула в гарнизон важная московская комиссия. Полк сдавал итоговую проверку и все, от командира до матроса, уже несколько дней жили в режиме тряски. Грозные мужи с большими погонами расползлись по всем службам, перерыли всю документацию, выискивая неточности и помарки, проверили с секундомерами физподготовку и действия личного состава по тревоге. Шатко-валко всё шло к благополучному завершению, с итоговым разбором и последующим банкетом. А в предпоследний день проверки в полку были полёты. Но так как вся комиссия состояла из офицеров, прошедших пехотную подготовку, и в лётном деле они разбирались, как козлы в марципанах, то и к полётам не проявили никакого интереса. А лётчики облегчённо вздохнули – хотя бы на аэродроме они смогут скрыться от их вездесущего глаза. Потому ничего не предвещало неожиданностей, и полёты шли по плану. Вертолёты взлетали один за другим и исчезали за сопками, уходя на маршруты и полигон. Кто-то из экипажей уже отработал свои упражнения, кто-то ждал своей очереди. Короткое северное лето одарило несколькими тёплыми днями, и лётчики из душных классов высыпали в курилку, обсуждая последние новости. Смена уже подходила к концу, когда из кустов ограждающих склад с техникой, пыхтя и матерясь, вылез старый генерал, очевидно отбившийся от общего стада. Он стряхнул с красных лампас прилипшие листья и радостно улыбнулся, как заблудившийся грибник, вышедший к сторожке лесника.

– Как дела, сынки? – ласково обратился он к вскочившим лётчикам. – Сидите, сидите, – генерал царственно махнул рукой. – Я с вами покурю.

Он раскрыл золотой портсигар и щедро пустил по кругу, угощая дорогими сигаретами. Генерал был настолько стар, что, называя лётчиков сынками, скорее всего старался себя подмолодить. Он их вполне мог бы называть и внуками. Глядя на сторбленную спину и подслеповатый взгляд, можно было смело предположить, что этими глазами он ещё видел немецких оккупантов. Седой, сморщенный, но старательно бодрящийся генерал расположился на лавочке и, расслабленно затянувшись, решил поговорить с народом «за жизнь». Находят иногда на генералов такие желания. Сначала нехотя, но затем лётчики разговорились. Кто-то рискнул пожаловаться на задержку зарплаты, кто-то на проблемы с квартирами. Дедушка с лампасами вздыхал, понимающе кивал, сочувственно причмокивал языком, чего-то обещал, как вдруг из-за капонира на огромной скорости, с жутким рёвом вылетел вертолёт. Едва не касаясь колёсами верхушек низкорослых северных берёзок, он пронёсся над головами, ударив по ушам воем турбин и хлопаньем винтов. Мусор вперемешку с песком взлетел в воздух, закружились листья, а лётчики схватились за фуражки.

Не то чтобы Дмитриев любить похулиганить. Но иногда допускал подобные выходы, считая, что у каждого лётчика, который с детства мечтал стать Чкаловым, должен быть свой мост. Никто не спорит, что наставления и правила полётов написаны кровью. Но случись война, все эти незыблемые законы с их жёсткими эшелонами и ограничениями полетят коту под хвост. А выживет тот, кто в своё время научился плевать на все эти правила.

Лётчики в курилке улыбнулись, матюгнувшись вслед исчезнувшему вертолёту, но генерал к такому повороту событий готов не был. То ли в детстве во время грозы его боднула

взбесившаяся корова и с тех пор он боялся грома. То ли и вправду вспомнилось, как над крышами родной деревни ревели немецкие штурмовики. Но только дальше генерал выкинул такой номер, которым вогнал всех в ступор. Рефлексы у него оказались гораздо быстрее мыслей, и, не успев обдумать увиденное, он махнул с лавки рыбкой в гору плевков и окурков, накрыв их собственной грудью. На минуту повисла немая пауза. Затем, багровый от ударившего в голову давления, генерал поднялся и ледяным голосом произнёс:

– Ко мне этих мудаков!

– Вы имели в виду экипаж, товарищ генерал? – сочувственно уточнили лётчики.

– Я имел в виду этих мудаков!

Ничего этого некурящий Субботин не знал. Они со штурманом играли в нарды, ожидая разбора полётов, как вдруг в класс вбежал Дмитриев.

– Мужики! – Взмолился он, взволнованно заламывая руки. – Не отдайте своего командира на поругание! Что же меня старого, будут носом в бычки тыкать?

Сергей с Голицыным не сразу сообразили, о чём просит командир эскадрильи, а когда поняли, молча надели фуражки и пошли на заклятие.

– Мы и есть те мудаки, товарищ генерал! – представился, отдав честь, Субботин.

Но генерал уже к тому времени отошёл и даже смог улыбнуться. Дескать, и не испугался я вовсе, а ору так, для порядку!

Он снял китель и протянул Субботину:

– Вот, сынки, чтоб через полчаса был как новый.

Сергей взял генеральский китель двумя пальцами и на вытянутой руке отнёс в матросскую казарму. Там он отдал его старшине и для лучшего усвоения поставленной задачи положил сверху шоколадку. Когда Субботин вернулся, то увидел, что китель стал лучше прежнего и агрессивно благоухает дешевым одеколоном. А матросы, выстроившись в очередь, фотографируются в нём на дембельский альбом.

– «Всего-то делов, – подумал Сергей. – Но из ничего – безвозвратно потерянное уважение».

Из этого он вынес очередной жизненный урок: если уж так случится, что он тоже станет начальником, то пусть этот пример всегда стоит перед глазами. Лучше сегодня ты прикрой подчинённого своими погонами и авторитетом, а не наоборот, и тогда завтра он пойдёт за тобой хоть в огонь, хоть к чёрту на рога. Потому что будет тебе верить!

От размышлений прервала прозвучавшая по кораблю команда: «Офицерам походного штаба, командирам боевых частей и старшему авиакрыла прибыть в кают-компанию!»

Субботин, не дожидаясь повторного появления Дмитриева, поправил перед зеркалом галстук и вышел из каюты.

Небольшая, рассчитанная лишь на офицеров корабля кают-компания быстро заполнилась до отказа. Субботин с Дмитриевым забились в угол, примостившись на продавленном диване, рядом с наполовину наполненным аквариумом. Здесь и слышно хорошо, и в глаза не бросаешься. Над головой в подволоке², цокая коготками по металлу, резвились крысы. «Видать в самом разгаре брачные игры, – подумал Сергей, покосившись по сторонам, но никто из корабельных офицеров даже взглядом не повёл. – Понятно... обращать внимание на подобную живность на корабле – дурной тон. Иначе ни на что другое времени не останется».

Дверь распахнулась и первым вошёл командир дивизии.

– Товарищи офицеры! – Спыхватился оперативный дежурный.

За комдивом заглянул «пиджак» и обвёл взглядом вставший по стойке «смирно» походный штаб. Клизма махнул рукой, приглашая всех садиться:

– Товарищи офицеры...

² Подволока – нижняя сторона палубной настилки у судов.

После этого он рухнул во главе стола, но несмотря на обращённые в его сторону взгляды, молчал. Неожиданно, нарушая морскую традицию, заговорил «пиджак»:

– Прошу внимания, господа!

От такого кощунства сидевший напротив комдива командир корабля закашлялся, и, подняв руку, спросил:

– Простите, как к вам обращаться?

На секунду «пиджак» замешкался, затем, улыбнувшись, предложил:

– Зовите меня просто полковник.

– М-м, гм... просто полковник. Так вот, если вы не заметили, то здесь присутствует адмирал.

Неожиданно вскочил Клизма. Сверкнув в сторону командира злобным взглядом, заискивающе затряс головой «просто полковнику»:

– Продолжайте, продолжайте, мы вас внимательно слушаем!

(После совещания Сергей слышал, как комдив распекал командира в его каюте.

– Ну чего ты к нему цепляешься? – Клизма переходил то на шёпот, то, забывшись, срывался на крик. – Сам не видишь – какой он на хрен полковник? От него же гэрэушником за версту несёт! Уверен – из их генералов. Прислали за нами приглядывать. Наверняка, стучит напрямую в Москву! А ты лезешь со своей субординацией, как заяц под паровоз. Тут поосторожней нужно быть, а то вместо того чтобы, когда я уйду на пенсию, занять моё место, пойдёшь в тралфлот тюльку ловить!)

«Пиджак» благодарно улыбнулся комдиву и, подойдя к висевшей за его спиной карте мира, постучал по ней карандашом.

– Прошу меня послушать, господа! То, что я сейчас буду говорить, очень серьёзно. А чтобы вы лучше прониклись обстоятельностью моих слов, я начну так: забудьте всё, что вы думали об этом походе!

Насладившись произведённым эффектом, он продолжил:

– С этой минуты статус похода меняется. Отныне это не дружеский визит, а экспедиция особого назначения! Начальником ЗОН назначен ваш командир дивизии, а моя роль сводится лишь к роли советника. Так что никакого нарушения порядка! А теперь, когда мы поставили все точки над «Ъ», прошу меня внимательно выслушать. Итак!

Обведя на карте кружок в верхней части Южной Америки, «просто полковник» ткнул в его центр.

– Наша цель здесь! Рядом с Венесуэлой, но, увы, не Венесуэла. Наверняка вы уже слышали о недавно возникшем здесь феномене. Именно сюда мы и идём! А объявленный ранее дружеский визит всего лишь легенда прикрытия нашей истинной задачи.

Субботин уже успел пожалеть, что они с Дмитриевым сели так далеко. Пришлось, напрягая зрение, щуриться, но видно было лишь общий контур материка. Конечно, Сергей слышал о так называемой «вулканической завесе», возникшей где-то в Карибском море. Одно время о ней много говорилось в прессе и по телевизору, но потом как-то стихло. Иногда кто-нибудь из учёных пытался вновь разбудить к ней интерес, но озабоченные собственными проблемами человечество не слишком-то интересовалось, что там творится в далёком океане. Его гораздо больше волновало, что звенит в собственном кармане и чем набить желудок? А ещё кризисы да трёп о конце света.

Сергей напряг память, вспоминая, что он об этом знает. Кажется, года два назад говорили, что на одном из островов проснулся вулкан и выбросил в атмосферу облако дыма, которое до сих пор никак не рассосётся, а даже наоборот набирает силу. Сначала оно занимало в диаметре около двадцати километров, а теперь разрослось до двухсот, накрыв множество мелких необитаемых островов непроницаемой пеленой. Район этот объявили закрытым

и трассы кораблей проложили в обход опасного места. На этом его знания о таинственной завесе заканчивались.

Субботин наклонился к уху Дмитриева и негромко произнёс:

– Прекрасно. Теперь мы стали вулканологами.

Но «пиджак» его услышал, пошарил взглядом над головами и, заметив, сказал:

– Кажется это наша авиация? Очень хорошо, что вы о себе напомнили. Вам отводится решающая для ЗОН задача. Скажу даже так: если весь наш поход представить как копье, то вы – остриё этого копья! Но не волнуйтесь – после возвращения обещаю вам и награды, и перспективу хорошего служебного роста.

«Мягко стелет, – вспомнив его ночной разговор, подумал Субботин. – Хитрый, сволочь! Ведь знает, что мы – бараны на заклание, а посмотри как улыбается. Как там у таких лицемеров говорится: не поворачивается язык сказать баранам, что отправляешь их на гибель? Так скажи, что посылаешь их к славе!»

– Там, кажется, дымит вулкан? – произнёс он, лишь бы что-то ответить.

– Вот! – Неожиданно обрадовавшись, поднял палец «пиджак» и потряс им над головой. – Именно так все и думают. И должны так думать! Кто думает иначе, тому закроют рот соответствующие службы. До поры до времени, конечно. Но пока именно так и должен считать обыватель. Иначе путающиеся под ногами любопытные будут мешать и отвлекать силы на борьбу с утечкой информации. Теперь в общих чертах, что из себя представляет наша цель. В общих, потому что добыть более точную информацию предстоит нам с вами. Мы уверены, что этот атмосферный феномен не что иное, как результат эксперимента американцев над климатическим оружием.

– Мы – это кто? – Спросил Субботин, воспользовавшись тем, что «пиджак» смотрел ему в глаза и рассказывал всё будто только для него.

– Мы – это те, кто вас сюда направил! А теперь прошу не перебивать и только слушать.

Развернувшись к карте, «пиджак» долго на неё смотрел, задумчиво теребил подбородок, будто обдумывая каждое своё последующее слово, и наконец начал:

– Имеющаяся у меня информация собрана трудом сотен людей, работа которых не видна, но оценена по достоинству. За каждым словом риск и опасность. Так что слушайте не перебивая. Думаю, излишне говорить, что эта информация не должна покинуть пределы этой кают-компания. Рассказывать что-нибудь тем, кто здесь отсутствует – запрещаю! Любые разговоры об ЗОН только здесь и только этим составом! Я ясно выразился? – Он обвёл взглядом притихших офицеров и удовлетворённо кивнул. – Вижу, что ясно. Итак! Известно, что американцы давно экспериментируют с сейсмологическим оружием, и, как мы предполагаем, и с климатическим. Так называемая «зона отчуждения» не что иное, как результат этих экспериментов. Что нам о ней известно. Это довольно обширная часть океана, скрытая атмосферной оболочкой повышенной плотности. Для спутников с оптическим или радиотехническим оборудованием она непроницаема. Ничего не дало и применение самолётов-разведчиков. Верхний край облачности по последним замерам составил около трёх тысяч метров. Диаметр на сегодняшний день составляет двести четырнадцать километров. Ежедневно зона расширяется на десятки метров. Неоднократно пытавшиеся проникнуть внутрь самолёты ВВС Венесуэлы исчезли. Думаем, что они были принудительно посажены на американский аэродром, скрытый внутри. В тоже время, по информации добытой по другим каналам, в том числе и дипломатическим, мы считаем, что эксперимент у американцев провалился или вышел из-под контроля.

– А что же сами американцы? – Не удержался от вопроса командир корабля.

– Я не помню ни одного случая, чтобы Америка в чём-нибудь призналась и взяла на себя ответственность. Тем более в том, что может бросить тень на её репутацию. Американцы перемудрили и теперь будут всеми силами открещиваться. Хотя для отвода глаз они

тоже делают вид, что изучают этот феномен, но это только чтобы пустить пыль в глаза. — «Пиджак» хохотнул в кулак и, окунувшись в любимую тему, назидательно произнёс: — Говоря о политике США, я всегда вспоминаю их же фильм «Чужие». Помните, там американцы прилетели на планету монстров, и монстры сразу же из хозяев планеты превратились в чужих! Очень показательно! Ну так вот! Правительство Венесуэлы обратилось к нам за помощью. Конечно, идти на прямую конфронтацию с американцами мы не можем. Но и оставаться сторонними наблюдателями не будем. Нам с вами предстоит собрать неопровержимые доказательства и припереть Америку к стенке, показав всему миру настоящее лицо агрессора. А Россия как истинный миротворец возглавит возмущённую общественность, консолидируя вокруг себя развитые страны, и прочно займёт статус лидера в мировом сообществе. Сейчас мы всеми силами сдерживаем президента Венесуэлы от ультиматумов и громких заявлений. Нам необходимо самим без лишнего шума во всём разобраться и, возможно, почерпнуть из этого ценную информацию для собственного оборонного комплекса. А уж потом обратить внимание мировой общественности на эту проблему. Теперь вы понимаете, какая непростая и в тоже время важная задача стоит перед нами?

Не дождавшись вопросов, «пиджак» сел, и слово взял комдив:

— Товарищи офицеры! — Он тяжело поднялся и одев очки, подошёл к карте. — Я всего лишь на полчаса раньше вас узнал настоящее положение дел. Товарищ полковник передал мне пакет с приказом и подробными инструкциями. Что я могу сказать? Мы люди военные, этим всё сказано.

Ткнув пальцев рядом с Кубой, командир дивизии пояснил:

— Здесь у нас встреча с танкером «Осипов». Кто хочет отправить домой письма, то только после моего прочтения. Пишите так, как будто мы продолжаем поход с визитом. И ещё. Не исключено вооруженное столкновение. Корабли и подводные лодки, которые пытались проникнуть внутрь зоны до нас, потерпели неудачу при странных обстоятельствах.

— Разрешите я поясню, — не сдержавшись, вновь вскочил «полковник». — Существует некий «эффект смещения», который нам с вами тоже предстоит исследовать. Пытавшиеся проникнуть внутрь зоны корабли неожиданно оказывались на её границе, но уже совершенно в другом месте. По докладам экипажей, с ними не происходило ничего необычного. Корабли входили в полосу тумана с курсом в центр зоны, а через некоторое время выходили в совершенно нерасчётном месте за её пределами. Хотя в этом ничего загадочного нет. Наши научные консультанты считают, что подобного эффекта можно добиться дистанционно, вводя ошибки в курсовые системы кораблей. Но расслабляться не стоит. Мы считаем, что возможен и другой исход, не такой мирный. Полгода назад там исчезла дизельная подводная лодка Венесуэлы. До сих пор о ней ничего неизвестно.

Субботин долго смотрел в улыбающуюся физиономию «просто полковника», раздумывая, как бы вывести его на ночной разговор и вычислить, где им уготовили гибель. Наконец он не выдержал и поднял руку.

— Вы сказали, что вертолёты — это остриё копья! Что мы будем делать?

— Ничего особенного — разведку на границе зоны. Необходимо исследовать её атмосферу, определить верхний и нижний края облачности, направление движения воздушных потоков. Всё как обычно.

— На моём вертолёте подвешены бомбы. Мы должны кого-то бомбить?

— Нет! Это для собственной безопасности.

Сергей не удержался от ухмылки — придумал бы ты что-нибудь поумнее. Бомбы — оружие нападения. Если уж для безопасности, то куда грамотней подвесить пушку. Юлит «полковник», и явно чего-то не договаривает. Так где же им вырыли яму?

— Кто нам может противодействовать? ПВО американцев?

Такой вопрос привёл «просто полковника» в замешательство, но ему на помощь пришёл комдив.

— Хватит разводить балаган, товарищи офицеры! Сказано же — никто ничего не знает. Будем действовать по обстоятельствам. А бомбы вам на всякий случай повесили. Сами поймёте — когда применить. А теперь всё! Совещание окончено!

И для пущей убедительности адмирал стукнул кулаком по столу.

Глава вторая

Воинственный остров

«Небо солнце с муками рожало!» – Сергею вспомнилась строчка из где-то прочитанного стихотворения. Чёрная тропическая ночь отступала неохотно, цепляясь за каждый клочок повисшего над горизонтом облака. Тонкая полоска света пробивалась слабым ростком цветка сквозь панцирь асфальта. Корабль застыл у границы зоны и ждал, когда наконец этот цветок взойдёт новым жарким днём. Ка-27 Дмитриева уже выкатили на вертолётную площадку, укрытую противоскользящей сетью. Ограждающие леера завалили набок, с палубы убрали всё лишнее, чтобы не улетело за борт. Корабль готовился к полётам.

Субботин молча наблюдал за приготовлениями вертолёта и за тусклой стеной зоны, начинавшей проступать сквозь мрак. Несмотря на угрозы «полковника», уже весь экипаж знал о подлинной задаче похода. Теперь свободные от вахты моряки высыпали на палубу и во все глаза смотрели на приближающиеся клубы сплошного тумана.

– Не пойму, чего ты переживаешь? – спросил подошедший сзади Голицын. – Нам нужно всего лишь провести разведку погоды. Чего тут сложного?

– Я тоже ничего сложного в этом не вижу. Но пока что это ещё никому не удавалось.

– Серж, что ты, как стареющая леди на собственных поминках! Значит, мы будем первыми. Идём, экипажи на предполётные указания вызывают.

На этот раз в кают-компании было немногочисленно. Комдив с «полковником» уже находились здесь и, склонившись, изучали расстеленную на столе карту. Дмитриев с двумя штурманами сидели рядом и записывали в рабочие тетради их указания. Субботин сразу обратил внимание, какой у Клизмы измученный вид. Набрякшие круги под глазами и глубокие морщины на небритых щеках выдавали бессонную ночь.

«Что ж, не я один! – подумал Сергей. – Возможно, комдив знает немного больше, чем остальные, и теперь его мучает совесть за отправляемые на гибель экипажи? Или понимает, что его сделали главным стрелочником? В случае успеха награды достанутся тем, кто и в море не ходил. А случись неудача, то все камни полетят в его седую голову».

– Взгляните сюда! – оторвал Субботина от мрачных мыслей командир дивизии. – В этом районе тянется гряда мелких островов. Создать на них что-то серьёзное, я думаю вряд ли возможно. А вот здесь, ближе к центру зоны, находится вулканический остров с десятком километров в поперечнике. Там и базу, и аэродром можно построить. Его как раз и нужно обследовать в первую очередь.

– Подождите! – не сдержался Сергей и обернулся к Дмитриеву, призывая его в свидетели. – Говорили, что нужно всего лишь провести разведку на границе зоны. О полёте внутри этой аномалии не было ни слова.

– Задачи изменились, – ответил за комдива «полковник». – Полёт внутрь зоны мы планировали после предварительной разведки. Но нас торопят сверху, требуют результат. Потому решено эти два полёта совместить в один. Ничего опасного в этом совмещении я не вижу. Облетаете острова, делаете как можно больше снимков и назад. Если обнаружите американцев – не провоцируйте. Здесь нейтральные воды, но кто его знает, что у них на уме? Мы потому и заменили один из вертолётов, чтобы расширить ваши возможности. Один занимается поиском, второй его прикрывает. По заданию, пожалуй, всё, что вам нужно знать, я сказал. А теперь вынужден напомнить, господа лётчики, что это приказ и обсуждать его не нам с вами. Надеюсь, это вам понятно?

Ещё бы! Главный армейский принцип «не хочешь – заставим, не можешь – всё равно заставим» никто не отменял. Тут уж, раз назвался груздем, то шагай в омут, не раздумывая.

– Понятно, – недовольно буркнул Сергей.

– Вот и прекрасно! – «Полковник» взглянул в квадратный иллюминатор на загорающийся рассвет. – Тогда удачи вам! Или как там у вас говорят за столом: чтобы количество взлётов равнялось количеству посадок!

Лопасті соосных винтов вздрогнули и ринулись навстречу друг другу, набирая обороты. Белый шлем Дмитриева в выпуклом блистере³ кабины обернулся в их сторону, затем Александр Михайлович отвернулся к приборной доске. Левая рука потянула рычаг «шаг-газ» и двигатели взвыли, оторвав шасси от палубы. Выполнив контрольное висение, Ка-27 улетел подальше от корабля, чтобы, наматывая круги, ожидать взлёта ведомого.

Теперь их очередь. По сравнению с серым и обтекаемым противолодочником, Ка-29 выглядит квадратным, угловатым и вызывающе пятнистым. Таким его делают броневые листы и специфичный камуфляж, предназначенный для того, чтобы скрывать вертолёт на фоне береговой черты. Лифт в ангаре поднял на палубу «броневичок», как ласково называли Субботин с Голицыным вертолёт с бортовым номером «22», и они заняли свои места.

– «Позитив», восемьдесят пять триста пятнадцать к взлёту готов! – прижимая ларингофоны к горлу, доложил Сергей.

– Триста пятнадцатый, давление семь полета, ветер слева двадцать градусов, три метра. Взлёт разрешаю, – привычно отозвался руководитель полётов.

Над головой низко завывали турбины, затем вой перешёл в свист, и бурая с белыми кругами палуба поплыла в сторону.

– Триста пятнадцатый триста третьему! – захрипел в наушниках голос Дмитриева.

– Триста пятнадцатый взлёт произвёл, борт – порядок! – доложил Субботин ведущему языком авиационного радиообмена. – Вас наблюдаю. Занимаю своё место.

– «Позитив», я триста третий, – теперь Дмитриев связывался с кораблём и, дождавшись ответной квитанции, доложил: – Группа в сборе. Работаем по заданию.

Тень от вертолёта бежала впереди по воде, как пёс-поводырь на поводке слепого. Затем они перешли в набор высоты и тень отстала, потерявшись в белых барашках волн. Первым летел вертолёт Дмитриева. Чуть выше и правее, чтобы не попасть в спутную струю ведущего, держался Субботин. Корабль остался далеко позади, и сейчас весь горизонт от края до края заслоняла приближающаяся серая стена. Если издали она ещё напоминала мощный грозовой фронт, то теперь, когда до неё оставались считанные километры, зона превратилась в грязную непроницаемую вату с ровными, опускающимися к воде краями.

– Триста пятнадцатый, пройдем над верхним краем.

– Понял вас.

Субботин потянул вертолёт в набор высоты. Внизу проплыла синяя черта моря, исчезающая за ровной линией границы зоны. Теперь они летели над гладкой серой пустыней, напоминающей молочные поля Арктики.

– Триста третий! – напомнил о себе «Позитив». – Ваши действия?

– Работаем! – нехотя ответил Дмитриев. – Верхняя граница три тысячи метров. Облачность сплошная, десятибалльная. Будет ещё информация – доложу!

– Понял вас! Вам добро на снижение.

– Пройду ещё с данным курсом на этой высоте.

Слушая переговоры Дмитриева с кораблём, Субботин удивлённо вздёрнул бровь. А ведь не только у него интуиция стонет в предчувствии беды. Александр Михайлович тоже не торопится лезть в эту серую кашу и, как может, тянет время.

Но «Позитив» неожиданно проявил упорство:

– Триста третий, старший приказывает вам снижаться. Как поняли меня?

³ Блистер – выпуклый обтекаемый иллюминатор, обзорный купол (иногда с турелью).

– Понял. Выполняю.

Субботин почувствовал в голосе Дмитриева раздражение:

– Триста пятнадцатый, следуй за мной.

Ка-27 клюнул носом и, скользнув по поверхности бледной тенью, исчез внутри облачности. Сергей дал Дмитриеву возможность немного уйти вперёд, затем перевёл вертолёт на снижение. Бледно-грязная поверхность марева, похожая на огромное забетонированное поле, стремительно ринулась навстречу. Теперь, когда она проносилась рядом с шасси, это сходство было так реально, что Субботину показалось, что они сейчас покатаются по нему, как по полосе аэродрома. Колёса мягко коснулись пушистой ваты и исчезли. Затем в стекло бросились клубы тумана, в кабине стало темно, и вдобавок вертолёт затрясся мелкой дрожью. Сергей пробежался взглядом по приборной доске, затем беспокойно оглянулся по сторонам. По остеклению хлынули потоки воды. Видимость стала нулевой, и Субботин испугался, что он может столкнуться с вертолётom Дмитриева. Лезть вдвоём в такую темень было нарушением всех авиационных законов. Но никто не ожидал, что здесь будет как в грозовом облаке. Стремясь уйти с одного направления с ведущим, Субботин отвернул влево, но, к его удивлению, стрелка указателя курса не сдвинулась с места.

– Что с курсом? – он с тревогой обернулся к штурману.

Женя удивленно щёлкал переключателями, жал на кнопки, но ничего не менялось.

– Командир, отказ курсовой системы!

Сергей хотел сказать по этому поводу что-нибудь едкое, но не успел. Неожиданно вертолёт будто упёрся в стену. Субботин с Голицыным повисли на ремнях, кресла под ними заходили ходуном, табло отказов вспыхнуло красными огнями, а корпус затрясся от мощных ударов. Скорость с двухсот километров в час неожиданно погасла до пятидесяти. Желудок подпрыгнул к горлу, и Субботин понял, что они падают.

– Шаг подмышку! – заистерил Женя.

Но Сергей и без его подсказки уже тянул рычаг «шаг-газ» максимально на себя. Падение немного замедлилось, но теперь полезла вверх температура двигателей. Поняв, что ввысь им не вытянуть, а бороться с непроницаемым и вязким, как студень, туманом бессмысленно, Субботин двинул рукоятку управления вперёд, переводя вертолёт едва не в отвесное пикирование. Поступок был весьма рискованный. Пробивание облачности в надежде выйти под её нижний край чревато опасностью, так как она может опускаться до самой земли. Авиационный чёрный юмор по этому поводу гласит: нет земли, нет земли, потом полный рот земли! Стрелка высотомера открутила влево круг, затем второй и неожиданно замерла на восьмистах метрах, хотя Сергей явно чувствовал отрицательную перегрузку падения.

– Выводи! – Женя вцепился в кресло, хватая ртом воздух.

– Докладывай высоту! – выкрикнул в ответ Субботин в надежде, что высотомер штурмана работает нормально. Но по тому, как Голицын ошарашено посмотрел на прибор и постучал костяшками пальцев по кругляшку стекла, он понял, что у штурмана та же картина. – Триста третий, триста третий! – Сергей попытался вызвать на связь Дмитриева, но в ответ в наушниках раздавался лишь треск электрических разрядов.

Вертолёт переваливался с боку набок и стремился развернуться вокруг собственной оси. Субботина швыряло то на приборную доску, то на штурмана. Вцепившись в ручку управления, он пытался выровнять машину, но безуспешно. Они чудом держались в воздухе, но, казалось, ещё мгновение и вертолёт камнем рухнет вниз. Неожиданно стало светлее. Туман всё ещё был плотным, но уже не таким чёрным. Броски из стороны в сторону прекратились. Вертолёт вновь стал управляемым и послушно реагировал на рычаги управления. Субботин облегчённо выдохнул и, взглянув на красное в потёках пота лицо штурмана, попытался пошутить:

– Что-то, князь, у вас вид обоссанной мыши.

– На себя посмотри! – не остался в долгу Женя. – Командир, взгляни! Кажется, видно воду.

Сергей сделал левый крен и бросил взгляд вниз. Постепенно серая вата превратилась в белую, сплошная пелена начала разрываться в клочья, и в дырах отчётливо показалась синяя гладь моря.

– Метров триста! – на взгляд определил высоту Субботин.

– Да, – согласился штурман. – Не больше.

– Что у нас с приборами?

Женя пробежался пальцами по кнопкам. Пощёлкал переключателями. На всякий случай постучал по приборной доске кулаком. И наконец выдал потрясающий вердикт:

– Командир, из всего, что у нас есть, работают только часы!

Сергей посмотрел на него ошалевшим взглядом:

– Ты в своём уме?

– Посмотри! – не сдавался штурман. – Ты постоянно меняешь курс, а даже КИ на него не реагирует.

Индукционный компас – прибор вполне самостоятельный и ни от какой электроники не зависит. Это точно такой же компас, который носят на руке туристы, только точнее, приспособленный для нужд авиации, как дублирующий прибор курсовой системы. Уж этому-то чего надо?

– Женя! Куда делось магнитное поле Земли? – язвительно спросил Субботин.

– Да сам посмотри! – Голицын ткнул пальцем в выпуклый глаз компаса.

Сергей посмотрел и понял, что штурман прав. Градуированный шарик свободно купался в спиртовом растворе и при этом никак не реагировал на манёвры вертолёт.

– Охренеть! – только и смог он вымолвить.

Затем Субботин пощёлкал тумблером радиостанции и попытался ещё раз связаться с Дмитриевым:

– Триста третий, ответьте триста пятнадцатому!

И неожиданно в наушниках захрипело в ответ:

– Триста пятнадцатый, ты где?

Сергей аж подпрыгнул в кресле.

– А ты говоришь, ничего не работает! – подмигнул он штурману. – Триста третий, я триста пятнадцатый, иду на трёхстах метрах! Вас не наблюдаю.

– Я тебя тоже не вижу, – отозвался Дмитриев.

Сигнал доносился слабый и еле слышный, будто

Александр Михайлович летел где-то за сотню километров.

– Смотри ведущего! – приказал штурману Субботин, затем, стерев пот со лба, озадаченно добавил: – Первый раз вижу такую облачность.

– Да разве это облака? Это же холодец какой-то! – не сдержал эмоций Женя. – Помнишь, как мы в грозу попали? Так куда легче было. Мне поначалу показалось, что мы в сугроб встряли, а потом понял, что так в воду втыкаются.

– Да... я уж подумал – отлетались!

– Вон! Вон, смотри справа! – неожиданно закричал Голицын и заёрзал в кресле, тыча пальцем в блистер.

В узкой полосе дымки, между гладкой, как стол, поверхностью моря и нависающими над головой тучами мелькнуло тёмное пятно вертолёт ведущего. Он летел рядом – всего в какой-то сотне метров впереди.

– Триста третий, наблюдаю вас! Не маневрируйте, а то потеряю. Сейчас подойду ближе.

– Понял! Тебя пока не наблюдаю.

– Александр Михайлович! – наплевав на все эти позывные, позвал ведущего Субботин. – Надо отсюда выбираться!

– Надо. А куда? У тебя система курс выдаёт?

– Нет.

– И у меня – нет!

– Здесь же полно островов! Предлагаю садиться аварийно. Вы их по зеркалу наблюдаете?

«Зеркалом» на авиационном сленге называют экран радиолокатора. На Ка-27, в отличие от штурмовика, локатор есть, и Субботин надеялся, что белые засветки суши штурман Дмитриева уж точно видит.

– С зеркалом то же, что и с остальным!

– Куда же мы летим?! – дрогнувшим голосом выдал своё волнение Сергей.

– Спокойно. У нас топлива ещё на два часа. Что-нибудь придумаем. Смотри, может визуально острова заметим.

– «Позитив» молчит? – спросил Субботин, хотя уже наперёд знал ответ.

– Молчит. Я тебя еле слышу, а до него сотня километров.

– Ну и влипли!

– Бывает.

Субботин догнал вертолёт Дмитриева и теперь летел рядом, едва не касаясь его винтами, но связь между ними продолжала оставаться слабой и временами пропадала, будто их разделяли горы или огромные расстояния.

– Пойдём ниже, – предложил Дмитриев.

Ка-27 скользнул вниз, едва не потерявшись в дымке. Субботин, толкнув от себя рычаг управления, заторопился следом. Ближе к воде видимость улучшилась, и теперь ведущий был отчётливо виден на фоне отдающего зеленью моря. Дмитриев летел низко, и от воздушного потока его винтов гладкая поверхность воды покрылась рябью. Только сейчас Сергей обратил внимание, какое внизу спокойное море.

– Смотри! – кивнул он штурману. – Как стекло.

– Да. Потому что нет ветра. Полный штиль.

– Триста пятнадцатый, ничего не наблюдаешь? – вклинился в их разговор Дмитриев.

– Ответ отрицательный, – стараясь скрыть растерянность, бодро ответил Субботин.

– По карте в этом районе не меньше десятка островов. Не пропусти, что-то да появится.

Но как ни напрягали глаза Субботин со штурманом, море по-прежнему было пустынно. Видимость у поверхности хоть и была лучше, но всё равно не превышала пятисот метров, и Сергей опасался, что они могут пролететь рядом с клочком суши, но так его и не заметят. Просматриваемая полоса получалась шириной не более километра, и такой вариант казался вполне возможным.

– Триста третий, разойдёмся фронтом, – предложил он ведущему.

– Согласен! – отозвался Дмитриев. – Иди левее. Из видимости не теряйся.

– Понял.

Субботин ушёл в сторону, стараясь держаться от ведущего так, чтобы он мог разглядеть на его фюзеляже белый военно-морской флаг. Они пролетели ещё двадцать минут, но море всё также напоминало голубую, как бирюза, пустыню. Иногда оно темнело и становилось чернильно-синим, местами превращаясь в чёрное. Сергей вертел головой по сторонам, удивляясь таким цветовым метаморфозам. Но затем подумал, что, возможно, для здешних широт это норма и для волнений нет причин. Гораздо хуже то, что им так и не попался на пути хоть какой-нибудь клочок суши для посадки. Потому что топливо в баках с каждой минутой таяло неумолимо.

– Смотри по курсу, а я слева, – сказал он штурману.

– Смотрю!

Женя вновь покрылся пятнами, и крупные капли пота побежали из-под шлема по лбу. Не скрывая беспокойства, он дрогнувшим голосом спросил:

– Серж, я от волнения даже забыл – сколько наш МСК на воде держит?

– Ты уже собрался плавать?

– А ты нет?

Сергей промолчал. В морском спасательном комплекте в тёплой тропической воде они смогут продержаться хоть сутки, да только толку от этого мало, если вокруг как на Северном полюсе – ни души.

– Здесь наверняка акулы! – продолжил размышления вслух Женя.

– Смотри в своём секторе! – одёрнул его Сергей.

– Смотрю.

Голицын недовольно поглазел по сторонам, затем, театрально приложив ладонь ко лбу козырьком, усталился вперёд.

– Командир! В моём секторе наличие полного отсутствия чьего-либо присутствия. А в твоём?

Субботин уже открыл рот, чтобы осадить не в меру разговорившегося штурмана, как вдруг ему показалось, что в проносящейся слева дымке он заметил тень, напоминающую гигантский конус. Ничего конкретного, но в этом месте горизонт был темнее. Белое марево там явно что-то скрывало. И это что-то очень напоминало остров. Сергей радостно положил палец на кнопку, чтобы вызвать Дмитриева, как тот вдруг сам отозвался первым.

– Триста пятнадцатый, наблюдаешь справа от меня?

Субботин посмотрел вдаль за летевшим у воды вертолётom ведущего и увидел размытую чёрную точку.

– Цель надводная?

– Надводная-то надводная, да только странная.

– Александр Михайлович, у меня слева на траверзе предположительно остров.

– Очень хорошо! Пойдём, осмотрим кораблик, а потом остров.

Вертолёт ведущего выполнил плавный разворот и взял курс на вырисовывающийся в дымке контур небольшого судна.

– Что-то не похожи они на американских командос, – прокомментировал в эфир свои наблюдения Дмитриев. – Галера, что ли?

Субботин летел гораздо дальше и пока что видел над синей линией воды лишь жирную чёрную полосу. Но ему тоже показалось странным, что у корабля нет ни мачт, ни каких-либо надстроек. Плоская посудина с низкими бортами. Дмитриев пролетел над ней, едва не задев судно колёсами шасси и уже начал разворот, заходя на второй круг, как вдруг в носу корабля вспыхнул белый огонь и дымная пулёмётная трасса упёрлась в серое брюхо вертолёта. На секунду Сергей потерял дар речи, затем, зажав кнопку радиостанции, не удержался от крика:

– Алекса-а-андр Михайлович!

Но Дмитриев не ответил. За его вертолётom потянулся белый шлейф выливающегося керосина вперемешку с чёрными кляксами масла. Затем к этому хвосту добавился бурый дым. Раненый Ка-27 снизился и, едва не задев воду, потянул в сторону острова. Он уже почти скрылся с глаз, и у Сергея появилась надежда, что Дмитриев дотянет до суши, как вдруг вертолёт клюнул носом. Лопасти зацепили воду и, разлетаясь в стороны, подняли в воздух тучу брызг. Затем то, что осталось от вертолёта, несколько раз перевернулось и вспыхнуло алым заревом.

Субботину глаза застлала красная пелена. Сжав до боли в пальцах ручку управления, он толкнул её вперёд. Дёрнув рычаг, дал двигателям максимальную мощность.

– Женя, к бою!

Но Голицын уже и без его команды приводил оружие в боевое состояние. Шторка, закрывающая в носу вертолѐта амбразуру, с характерным жужжанием поехала в сторону, обнажая четырёхствольный пулемѐт. Набирая скорость и наклонив вперѐд конус несущего винта, штурмовик нёсся над водой, вздымая за собой вспененные фонтаны. Судно стремительно приближалось, увеличиваясь на глазах и принимая угловатую форму. Теперь Сергей хорошо видел людей на его борту. Полуголые, в грязной рванине, они стояли с поднятыми вверх вѣслами и смотрели в его сторону. На треноге в носу чернел пулемѐт, и ещё один оборванец возился, заправляя ленту. Управился он быстро, так как в следующую секунду его скрыло вспыхнувшее белое пламя. Очередь прошла рядом с кабиной, оставив тусклый след.

– Чего тянешь? – процедил сквозь зубы Субботин.

Его слова утонули в проснувшемся под ногами грохоте. Авиационный пулемѐт, предназначенный для создания заградительного огня и обладающий скорострельностью шесть тысяч выстрелов в минуту, не оставил утлой деревянной посудине никаких шансов. Под ураганной лавиной свинца она взорвалась, превращаясь в тучу щепок. Но Голицын продолжал стрелять даже тогда, когда галера исчезла, и на её месте лишь взлетали в воздух водяные столбы. Он прекратил стрельбу, когда пулемѐт стал на нижний упор и цель исчезла под брюхом вертолѐта. Развернувшись,

Субботин ещё раз прошѐл над этим местом. Лишь небольшие обломки дерева и обрывки тряпок напоминали, что здесь минуту назад стояло судно. Ни одной головы над водой, никто не размахивает руками, зовя на помощь... Всё было кончено.

Тогда, не снижая скорости, он полетел к месту падения вертолѐта Дмитриева. Александр Михайлович не дотянул до берега каких-то три сотни метров. Обгоревший корпус лежал на боку на мелководе, выставив в небо чѐрные диски колѐс. Огонь уже потух, не сумев разгореться в окружении воды, лишь тянулся вверх столб пара и копоти. Напрасно Сергей искал фигуру в оранжевом МСК. Никого из экипажа рядом не было. Только растекались радужные круги топлива, да плавали уцелевшие в огне штурманские карты. Сделав круг над обломками вертолѐта, Субботин полетел в сторону острова.

– Посмотри, что у нас есть в аптечке, – приказал он штурману.

– Думаешь, понадобится?

– Надеюсь. Сейчас сядем и бегом к ним.

Но сесть оказалось не так просто. Остров представлял собой выступающую из моря гору с крутыми берегами, усеянными камнями и сухими деревьями. Когда-то подножие горы было сплошь покрыто густыми джунглями, но по какой-то причине пальмы погибли, и теперь о зарослях леса напоминали лишь голые скрюченные стволы. Не было даже узкой песчаной полоски пляжа. Чѐрная вода обхватила остров со всех сторон плотным кольцом, не оставив ни пяди расчищенной земли, ни тонкой линии песка.

Субботин облетел остров один раз, затем второй, но так и не нашѐл хотя бы крошечного пятка, где можно было бы посадить вертолѐт. Он лихорадочно бросался из стороны в сторону, зависал над сухими деревьями в надежде расчистить воздушной струей место для посадки, но всё было тщетно. А время уходило! Возможно, свершилось чудо, кто-то из экипажа Дмитриева выжил и сейчас, раненный, ждѐт помощи, а они никак не могут сесть, чтобы спасти его. Эта мысль заставляла нервничать и торопиться. Безуспешно обследовав подножье горы, Сергей бросил взгляд на её вершину. Снизу устремлѐнный ввысь каменный конус казался срезанным, и, возможно, там могло быть плато, пригодное для посадки. Закрутив ещё один виток, они набрали высоту и вновь окунулись в нависающий над головой туман. Теперь гора была ниже высоты полѐта, и вместо плато взгляду открылся ровный, правильной круглой формы, около пятидесяти метров в диаметре кратер с чѐткими зализанными краями. Остров оказался поднявшимся из моря вулканом.

– Что же теперь делать? – спросил Голицын.

- Садиться!
- Куда? В эту яму?
- Ты видишь место лучше?
- Нет, но...
- Ничего, как-нибудь примостимся!

Субботин завис над центром кратера, высматривая место почище от камней, затем начал медленно снижаться. Застывшие потоки лавы отливали серым матовым цветом и казались гладкими, как стекло. Когда-то раскалённые ручьи сбегали со стен, образовав в центре ровное окаменевшее озеро. На него и решил садиться Субботин. Лишь только вертолёт опустился, Сергей, не дожидаясь остановки винтов, выпрыгнул из кабины, побежал и принялся карабкаться на вершину кратера.

- Не отставай! – крикнул он еле поспевающему сзади штурману.
- Бегу, бегу!
- Да сбрось ты шлем! Никуда он здесь не денется.
- Да, да! – Женя, задыхаясь, дёрнул на шее ремень.

Бежать мешал оранжевый водозащитный комбинезон, но снимать его не было времени.

– Ты заметил, что камни тёплые? – спросил запыхавшийся Голицын. – Даже сквозь перчатки чувствуется.

- Не заметил. Смотри, где вертолёт!

Теперь они забрались на край кратера и внизу открылась сине-чёрная панорама моря. Тёмная масса тумана нависала над головой, на лице чувствовалась его влажность. Он едва не касался вершины острова и тянулся во все стороны, куда доставал взгляд.

- Вон он! – Женя указал на выделяющееся светлое пятно на воде.

Субботин, не раздумывая, бросился по склону вниз. Камни срывались из-под ног и, обгоняя, катились под уклон, образовав небольшую лавину. Штурман еле поспевал и, задыхаясь, канючил:

– Серж, мы поломаем ноги! Подожди! А ты видишь, что все пальмы засохли? Интересно, что их погубило?

- Не болтай! Потом будем ботаникой заниматься!

Дальше склон стал более пологим, но теперь бежать мешали поваленные деревья и торчащие в стороны ветки. Пробравшись сквозь закрывавший путь бурелом, Субботин наконец увидел море, а дальше наполовину затопленный вертолёт. Он с разгону бросился в воду, подняв со дна чёрный, как смола, ил. Сергей сделал пару шагов, затем остановился и показал штурману под ноги.

- Что это? Нефть?
- Нефть не тонет. Она на поверхности плавает.
- А похоже на нефть. Ладно, догоняй.

С трудом переставляя ноги, Субботин двинулся к вертолёту. Штурман, тяжело дыша, вошёл в воду по колено, зачерпнул ее ладонями, плеснул на щёки и в оттянутый ворот. Лицо его удивлённо вытянулось. Зачерпнув ещё раз, он попробовал воду на вкус.

- Серж, она пресная!
- Не отставай!
- Я серьёзно! Попробуй!
- Что у тебя за привычка – всё в рот тащить?

Не останавливаясь, Субботин зачерпнул ладонью и отпил.

– Странно... – он удивлённо посмотрел на пальцы и облизал. – Я бы даже сказал – дистиллированная!

– А я тебе о чём? Я на море вырос и морской воды нахлебался тонны. Она не солёная! Такого просто быть не может!

– Может – не может! Нашёл время! Пошли.

Рядом с вертолётom вода доходила по пояс, а чёрный, похожий на студень ил скрывал ноги до колен. Идти он не мешал и от движения водонепроницаемых сапог раздавался в стороны, чтобы затем вновь мягко их обволакивать.

В предчувствии того, что сейчас увидит, Субботин на мгновение замер, затем, переборов волнение, заглянул в кабину.

Вертолёт лежал на левом борту, выставив из воды обтекатель локатора. На его серой обшивке чёрными пятнами отпечатались следы пожара. Красная звезда на шайбе кия была сплошь усеяна пулевыми отверстиями. Следы от пуль также были на брюхе, на воздухозаборниках двигателей и даже на чудом оставшемся целым остеклении кабины. Тело Дмитриева, неестественно выгнутое назад, висело на ремнях, наполовину скрытое водой. Субботин попытался вытянуть его через сорванную штурманскую дверь, но смятая приборная панель крепко зажала ноги.

– Помоги! – подозвал он Голицына. – Эх, Александр Михайлович, Александр Михайлович! Не того ты боялся! Женья, тащи на себя, а я отожду доску. Штурманов смотрел?

– Смотрел. Нет их. Ни штурмана, ни оператора. От дверей одни дыры, наверное, их во время удара выбросило. Ремни на обоих креслах порваны.

– Нужно найти. Не оставлять же бедняг на прожор рыбам! Течения и волн здесь почему-то нет, унести их не могло. Потом пройдем, поищем по направлению падения.

Голицын потянул на себя Дмитриева за ворот комбинезона, но, когда его голова показалась из воды, Женья громко застонал и едва не выпустил тело из рук. Лицо комэска в раздавленном шлеме уже не кровоточило, но от этого казалось ещё ужасней. Вытекшие глаза висели пучками нервов из пустых глазниц. Сквозь дыры в щеках белели зубы. Лоб, подбородок, шея превратились в лохмотья из-за множественных порезов.

– Осторожней, у него рука на честном слове держится, – еле выдавил из себя Субботин.

Голицын взглянул на вылезшую сквозь рукав кость и почувствовал, что сейчас потеряет сознание.

– Серж, я не могу... я крови боюсь.

– Нет уже здесь крови. Не раскисай! Тяни!

Женья взобрался на блистер кабины, упершись ногами в дверной проём, закрыл глаза и потянул тело Дмитриева вверх. Субботин стоял в воде и помогал, придерживая за ноги. Они уже вытащили комэска из кабины на борт вертолётa, как вдруг Сергей увидел за скрывавшим часть горизонта стабилизатором приближающееся судно. Это была точно такая же галера, как они уничтожили полчаса назад. На посудине их тоже заметили, и теперь гребцы быстро сокращали расстояние чёткими взмахами вёсел.

– Давай мне его на плечи! – выкрикнул Субботин. – Спрыгивай, пока не начали стрелять!

Взвалив на спину безжизненное тело Дмитриева, Сергей побрёл к берегу, тяжело передвигая ноги. Женья шёл сзади и придерживал комэска за сапоги.

– Галера-то не одна была! – произнёс Субботин. – Надо было вокруг того места получше посмотреть.

– Да что там увидишь? Сплошная дымка. Рядом бы пролетели и не заметили. Серж, давай быстрее, а то догоняют.

Субботин поднял впереди себя волну, переставляя ноги изо всех сил.

– Успеет. Когда мы вниз бежали, я видел расщелину у подножия горы. Там спрячемся.

– Хотелось бы! – Женья оглянулся назад. Погоня уже была не далее трёхсот метров, но по ним не стреляли. – Я, кажется, ботинок порвал. Вода внутри.

– Помогай, а то не удержусь! Этот чёртов мазут под ногами скользит.

Берег был рядом, вода доставала всего лишь до колен и идти уже почти не мешала. Сергей ступил на сухой песок и едва не уронил тело Дмитриева.

– Бери за ноги! Ещё немного и нас за деревьями не увидят.

Но, к его удивлению, галера больше за ними не гналась, а остановилась возле вертолёта. Она медленно кружила вокруг, гребцы гулко тыкали в дюраль вёслами, а свесившийся с носа человек в широкополой мексиканской шляпе пытался заглянуть внутрь.

Субботин с Голицыным подняли свою ношу и, перетащив через сухой бурелом, оказались у тёмной расщелины. Огромный монолит, будто подпиравший гору, раскололся у основания, и на его поверхности зияла метровой ширины трещина.

– Ты фонарь взял?

– Да.

– Подсвети.

Женя тяжело опустил Дмитриева на землю и, достав из нагрудного кармана блестящий цилиндр, щёлкнул выключателем.

Трещина оказалась довольно глубокой. Изгибаясь, она уходила далеко внутрь.

– Да здесь целая пещера! – Голицын направил луч на плавно расходящиеся в стороны каменные стены.

– Тем лучше будет держать оборону. Эх, сейчас бы наш «броневичок»!

– На гору не взобраться. Сразу подстрелят.

– Я и не мечтаю, – Субботин достал из вшитой в комбинезон нагрудной кобуры зацепленный на шнурке ПМ и звонко передёрнул затвор. – Пулемёт с лодки на берег они взять не смогут. Он вроде бы как намертво к треноге привинчен. Так что здесь мы на равных. Стрелять наверняка. Как только переступят это бревно! – Он указал на поваленное дерево в пяти метрах от входа в пещеру. – Не раньше! Понял?

– Да понял! Давай Михалыча вглубь спрячем. Не могу я так.

– Да... – согласился Сергей. – У меня тоже мурашки от такого соседства.

Пригнувшись, он высунулся наружу, бросил взгляд на застывшую галеру. Плоскодонная, с низкими бортами посудина остановилась всего в пятидесяти метрах от берега, и с высоты их расщелины он мог её внимательно рассмотреть, благо она была не закрыта стволами деревьев. На борту Субботин насчитал девять человек. Восемь гребцов вытащили из уключин вёсла и, кажется, что-то ели. Девятый изредка поглядывал в их сторону и деловито натягивал на пулемёт полотняный мешок. Похоже, что прямо сию минуту они на штурм не собирались. И тогда Субботин решился.

– Свети, а я за тобой понесу.

Сергей поднял на руки тело Дмитриева и шагнул следом за штурманом. Женя широко размахивал лучом, освещая то узкую дорожку под ногами, то постепенно уходящий вверх потолок. Трещина в скале сделала резкий поворот и неожиданно разошлась в стороны, образовав огромное, со скрывающимися в темноте стенами пустое пространство. Голицын удивлённо замер, направив фонарик во тьму. Луч чиркнул по камням у ног и потерялся где-то в глубине пещеры.

Женя оглянулся на Сергея, затем несмело выкрикнул в темноту:

– Эй! Тут кто-нибудь есть?

– Ты с ума сошёл? Кто тут может быть? Свети под ноги, я Михалыча положу.

Субботин отшвырнул ногой камни и положил тело Дмитриева на единственную ровную площадку, затем заторопился к выходу.

– Пошли назад. А то штурм проспим.

– Думаешь, полезут?

– Уверен. Иначе они бы уже уплыли.

– Серж, ты не злился, но я из пистолета как-то не очень. В училище хуже всех стрелял. – Женья смущённо отвёл взгляд. – Одно дело через прицел вертолёт, а совсем другое вот так... да и физически я рядом с тобой – заморыш. Боюсь, что помощи от меня... я к тому, что... ну ты понимаешь?

– Не переживай, справимся. Кроме пулемёта другого оружия я у них не видел. А у нас два пистолета, и по две обоймы к каждому! Да мы ещё сами можем в атаку пойти!

Сергей улыбнулся собственному оптимизму и хлопнул Женю по плечу.

– Не переживай, выберемся!

– Я не переживаю. Меня только смущает, что всё здесь как-то шиворот-навыворот. Море – чистейшая пресная вода, хоть в аккумулятор заливай. Воздух совершенно неподвижен. А ты заметил, какая здесь сильная влажность? Как в террариуме!

– Заметил.

– Теперь ещё нас стерегут какие-то оборванцы с пулемётом.

– Тихо!

Субботин прижал палец к губам и выглянул из пещеры. Но галера по-прежнему стояла на своём месте, и все девять человек находились на её борту. Тогда он сел и, прислонившись к стене, вытянул ноги и положил ПМ на колени.

– До темноты придётся сидеть здесь, – вздохнул Сергей и устало закрыл глаза. – Я думаю, они её тоже ждут. Пока светло – не высаживаются, боятся. А как стемнеет, полезут. Мы должны их опередить и подняться в кратер за вертолёт.

Неожиданно Женья схватил его за ногу и вскрикнул:

– Что у тебя с ботинками? И у меня тоже!

Субботин открыл глаза и посмотрел на Женины ноги, затем на свои. Чёрные, на высокой шнуровке ботинки теперь были серо-грязного цвета и в пятнах, похожих на ожоги. Подошвы потеряли прежнюю форму и превратились в бесформенные куски пористой резины. До колен потерял свой первоначальный оранжевый цвет и комбинезон. Он принял такой же серый цвет, что и ботинки, выставив напоказ полосатую структуру прорезиненной ткани. Сергей удивлённо потрогал разъеденный каблук.

– Так это же нас «нефть» так обработала!

– Это не нефть.

– Я уже понял! Не каждая кислота сможет так пожрать МСК. Чёрт! Куда же мы попали?!

– Серж, а я тебе о чём говорю?

– Подожди, Женья, подожди! – Субботин закрыл лицо руками, пытаясь привести мысли в порядок. – Всегда всему есть объяснение! Что там этот московский козёл говорил? Американцы затеяли какой-то глобальный эксперимент? И он у них то ли получился, то ли провалился. Так?

– Ты считаешь, что они вылили в море тысячи тонн кислоты?

– Не перебивай, давай по порядку. Как ты там сказал – террариум? Женья, так это и есть террариум! Клочок моря, укрытый непроницаемой шапкой! Солнца нет, а излучение проходит. Вода испаряется, а деться ей некуда. Отсюда туман, дымка и влажность. Корабли и лодки войти не могут? Так он же сам сказал, что американцы как-то научились вводить ошибки в курсовые системы. Потому и у нас компасы не работали. Самолёты исчезают? Да никто их не перехватывал и не сажал! С их скоростями такая плотность оболочки для самолётов всё равно, что бетонная стена. Лежат сейчас обломками на дне, а наши голову ломают, куда они подевались?

– Неплохо. А теперь объясни, почему засохли джунгли, почему кроме компасов ещё вышла из строя вся электроника, куда исчезло магнитное поле Земли и что, наконец, это за гадость, которая пожрала обувь? Иначе как чертовщиной это не объяснишь.

– Женья, вот давай только без мистики. Я знаю, ты парень чувствительный, ранимый, с тонкой душевной организацией. Не то что я – прожжённый циник. Тебя легко убедить в грядущем конце света и прочей всякой ерундистике. Объясню! – Субботин взял задумчивую паузу, затем уверенно повторил: – Обязательно объясню. Давай только с этими ребятами разберёмся, а потом вместе поищем ответы и на остальные вопросы.

– Хорошо, Серж. Тогда ответь мне как командир на главный вопрос. Что мы будем делать дальше?

– Легко! Как стемнеет, поднимемся в кратер. Запустим наш «броневичок» и сделаем с этой галерой то же, что и с предыдущей.

– А дальше?

– Надо штурманов найти. Всех вместе здесь схороним. Может, позже на Родину перевезут.

– Ну а потом?

– А потом улетим.

– Улетим?

– Улетим, Женья, улетим!

– Куда?

Субботин понял, что штурман загнал его в угол и тяжело вздохнул.

– Давай решать проблемы по мере их поступления. Решим первую, а потом уже будем думать, что делать дальше.

– Тише! – неожиданно перебил его Женья и, прислушиваясь, приложил ладонь к уху.

Сергей схватил пистолет и выглянул их пещеры.

– Не там! – Женья побледнел, затем, покосившись на тёмный вход, кивнул: – Там!

– Что ты услышал?

– Какой-то скрип и шорох.

– Идём!

Взяв ПМ в правую руку, фонарь в левую, Субботин решительно шагнул в чёрный разлом. Пройдя узким коридором, он остановился у входа в пещеру и принялся метр за метром освещать усыпанный мелкими камнями пол. Луч выхватил из темноты ноги Дмитриева и Сергей торопливо дёрнул фонарик в противоположную сторону. Затем он прошёл вглубь ещё с десятков шагов и вернулся назад к застывшему у входа штурману.

– Нет здесь никого. Показалось тебе.

– Серж... – в ответ Женья лишь сдавленно захрипел и жалобно всхлипнул.

Субботин направил фонарь в его перекошенное ужасом лицо.

– Что?

– Он...

Сергей ещё раз прошёлся лучом по пустой пещере.

– Посвети на Михалыча. – Женья наконец смог справиться с заклинившим горлом.

Нехотя Сергей направил фонарик в том направлении, где должно было лежать тело Дмитриева, затем отвёл луч в сторону.

– На месте он.

Неожиданно Голицын вырвал у него из рук фонарь и ещё раз осветил лежащее на полу тело.

– Ты его как положил?

Теперь до Субботина дошло, и он почувствовал, как встали на голове дыбом волосы. Он точно помнил, что когда опустил Александра Михайловича на землю, то комэск остался лежать лицом вверх. Сергей даже подумал, что пока они его не обложат камнями, неплохо бы лицо чем-нибудь накрыть. Теперь же тело Дмитриева лежало лицом вниз. Кто-то, возможно, обыскивая, его перевернул.

– Здесь кто-то есть, – шепнул Субботин и, выключив фонарь, прислушался к темноте. Под ногами Голицына скрипнул песок, и Сергей грозно на него зашипел:

– Тише ты. Он должен быть где-то рядом.

Затем он включил фонарь и отвёл его в сторону на вытянутой руке. Если будут стрелять, то на свет.

Медленно, шаг за шагом, Субботин уходил вглубь пещеры, но ничего не происходило. Следом, чуть отстав и направив вперёд пистолет, шёл Женя. Сергей посветил под ноги, но вокруг были только их следы. Тогда он не выдержал и выкрикнул, тут же отпрыгнув к стене:

– Эй! Выходи! Давай поговорим!

Но и на этот раз тот, кто прятался в глубине пещеры никак себя не выдал. А пещера продолжала тянуться всё дальше и дальше и всё больше раздаваясь в ширину. Теперь это уже был огромный зал с нависающим над головой низким каменным потолком. Сергей делал три шага, затем припадал к стене и прислушивался. Но вокруг по-прежнему было тихо и казалось, что слышно, как в груди ухает сердце. Он освещал пол, затем чертил лучом вдоль стен, делал три шага и вновь светил в темноту пещеры. На голову упала капля, и Субботин, нервно дёрнувшись, направил фонарь в потолок. Из трещин сочилась влага и, набухая крупными каплями, срывалась вниз.

– Серж, – тихо позвал Женя.

Сергей замер, почувствовав в голосе штурмана тревогу.

– Слева кто-то есть.

Рывком развернувшись, Субботин хаотично заметался лучом, не понимая, что мог увидеть штурман, потому что вокруг было пусто. Затем свет упал на пол, и он понял, что так взволновало Голицына. На фоне светлого песка выделялась фигура лежащего человека. Вернее, он был когда-то человеком, а теперь превратился в скелет, закутанный в лохмотья истлевшей одежды. Голый череп с отпавшей челюстью украшала старинная чёрная треуголка с выцветшим синим бантом. Раскинутые в стороны руки застряли костяными пальцами в песке, будто человек полз вперёд, да потом так и застыл, не добравшись к своей цели.

Субботин долго его разглядывал, затем, осветив диковинную шляпу, не удержался от шутки:

– Я тебя поздравляю. Мы нашли пирата Флинта.

– Серж, твой сарказм здесь неуместен. Не тревожь его неупокоенную душу.

– Тьфу ты! Ты как всегда в своём репертуаре. Ладно, тогда я тебя так успокою – это точно не он перевернул тело Михалыча. Ёё-ё! – неожиданно вскрикнул, хлопнув себя по лбу, Субботин. – Как же я забыл проверить – пистолет на месте или нет?

– На месте. Я заметил – кобура у Михалыча оттопыривалась.

– Точно? Нужно забрать. Ладно, идём, Женя, дальше. Этот пусть лежит, а мы будем искать другого. Того что попроворней этого будет.

Сергей переступил скелет и, посветив по сторонам, указал лучом направление:

– Туда. Иди правее меня и, если что ещё увидишь – стреляй! А потом будем разбираться, что это было. Если бы этот пират был живой, он даже вилкой сумел бы с нами разделиться, пока ты его разглядывал.

– Зря ты так. Я сразу понял, что там скелет.

– Да? Тогда я могу только порадоваться за тебя – у тебя прекрасное ночное зрение. Кошкам на зависть. И всё равно давай договоримся, что мы будем стрелять первыми, а не ждать, пока подстрелят нас.

Штурман обиженно поджал губы, и Субботин понял, что теперь надо быть готовым к внезапному выстрелу из-за спины. Назло ему Женя станет палить в любую тень.

Луч плясал впереди, освещая редкие камни да гладкий песок. И ни одного следа. Сергей уже начал подумывать, что этот неизвестный из темноты обошёл их, и теперь жди огонь

в спину. Или спрятался так, что они прошли мимо и не заметили. В таком мраке это немудрено.

Он нервно оглянулся, но всё же решил обследовать пещеру до конца. Отразившись от чего-то гладкого, луч сверкнул и, разбившись на мелкие осколки, усеял потолок сотней огней. Субботин остановился, удивлённо гадая, что могло впереди так блестеть? Он провёл фонарём по сторонам и понял, что всего в пяти шагах перед ними находится гигантское озеро. Оно занимало большую часть пещеры. Его противоположный берег терялся где-то в темноте, а левый и правый уходили в стороны и пропадали под каменным сводом. Застывшая зеркальная гладь отливала мутно-молочным цветом, так не похожим на обычную воду. Сергей поднял булыжник и бросил в озеро рядом с берегом. Несмотря на увесистую массу камень не нырнул мгновенно в глубину, а медленно оседая, скрылся с поверхности, подбросив вверх тягучие капли.

– Что это?

Вместо ответа Женя подошёл и, опустившись на колени, окунул в озеро палец. Затем, осмотрев его в луче света со всех сторон, задумчиво облизал.

– Ты как всегда... – передёрнул плечами Субботин. – И что это?

– Это, Серж, хлорид натрия в растворённом состоянии. В природе довольно распространённый минерал. Но чтоб в таком гигантском количестве... – Женя удивлённо взглянул с обрывистого берега вниз. – Очень сильная концентрация. И судя по крутизне разлома, у этого озера огромная глубина. Здесь его сотни и сотни тысяч тонн.

– Мне твои слова что-то напоминают из химии, но ты не мог бы объяснить попонят...

Субботин осёкся на полуслове. За спиной, усиленный акустикой пещеры, прозвучал отчётливый и резкий звук. Так стучит камень о камень, или подкованный каблук раскалывает в крошки подвернувшийся под ногу кирпич, или скрипит продавленный ботинком песок, или... С десятков подобных предположений пронеслось в голове Сергея, пока он рефлексивно, оттолкнув в сторону Голицына, падал на пол. Выключив на лету фонарь и выставив перед собой ПМ, Субботин приготовился открыть стрельбу по первой мелькнувшей тени.

Они пролежали несколько минут, но звук больше не повторился.

– Может, это был зверь? – шепнул Женя.

– Может, и зверь, – согласился Сергей.

«Вполне вероятно, что здесь обитают крысы, – подумал он, всё больше утверждаясь в этой мысли. – Место для них вполне подходящее».

– Идём, – Субботин поднялся и включил фонарь. – Смотри под ноги. Не страшно, если крысы, хуже, если змеи.

На этот раз Сергей уверенно обошёл по периметру пещеру, освещая каждый угол. Но ни крыса, ни змея на глаза ему так и не попались.

– Чисто! – заявил он твердо на выходе.

– А кто же тогда перевернул Михалыча?

– Да, вопрос... – этот момент Сергей как-то упустил из виду. – Я думаю, дело было так. Какая-то крупная тварь в пещере была, но когда мы вошли, она незаметно выскочила. Логично?

– Логично, – неуверенно согласился Женя. – Но тварь эта должна обладать завидной силой, чтобы перевернуть тело.

– При хорошем старании это мог сделать даже шакал.

Выглянув на стоявшую на своём месте галерею, Субботин взялся снимать МСК.

– Назад на гору мы в нём не взберёмся, – пояснил он штурману. – Да и без вентиляции в нём как в парилке. На мне уже места сухого нет.

Голицын кивнул и принялся сдирать остатки ботинок.

– Серж, а может попытаться с ними поговорить?

– Поговорить? А, ну да! Ты же у нас полиглот. Попробуй. Предложи им сдаться, – хмыкнул Сергей. – Скажи, что они окружены, шансов нет... и как там дальше? Странно, что они не начали переговоры первыми, предлагая нам горячий чай и своё радушие.

– Твой сарказм иногда невыносим. Мы могли бы хотя бы узнать – кто они такие и что им нужно?

– Головы наши на шестах им нужны.

– Почему сразу головы? Пока что они ведут себя довольно мирно.

– Эти дикари сбили наш вертолёт! Убили наших товарищей! А ты предлагаешь вести с ними переговоры?

– Ну не именно эти. С теми мы рассчитались сполна. И потом я всего лишь предложил собрать хоть какую-то информацию о вероятном противнике.

– Да собирай. Жалко, что ли? Если это одичавшие американцы – начинай по-английски.

Сбросив МСК, Женья выглянул из пещеры и, сложив ладони рупором, громко выкрикнул на безупречном английском:

– Эй! Вы кто такие и что вам нужно?!

Услышав крик, главный в соломенном сомбреро поднял голову и посмотрел в его сторону. Галера качнулась от завожившихся на скамейках гребцов, и он схватился за борта, испугавшись свалиться в воду. Сняв шляпу, главарь приветственно взмахнул ею над головой и громко прокричал в ответ.

– Насколько позволяет мой школьный английский, – прислушавшись, сказал Субботин, – могу поспорить, что кричал он совершенно на другом языке.

– Правильно, потому что это испанский.

– Испанский? Хотя логично, ведь рядом Южная Америка. Что говорит?

– Он нас поприветствовал.

– Как мило. Спроси – чего им надо?

Теперь Женья задал вопрос по-испански и, выслушав ответ, перевёл:

– Он предлагает прекратить прятаться и идти к ним на лодку.

– Да этот парень с чувством юмора. Руки нам как? Поднять вверх или самим друг другу связать?

– Ещё он сказал, что они не могут долго ждать. Ночь опасна. Мы должны идти к ним, если хотим остаться в живых. В противном случае, если не послушаемся, нас убьёт остров неприкаянных.

– Ответь, что мы выбираем противный случай. Пусть плывут своей дорогой.

Выслушав ответ, на галере начали совещаться. Затем тон сменился с дружелюбного на раздражённый. Главный что-то выкрикнул и прислушался к ответу штурмана. Дальше он долго ругался, темпераментно размахивал руками и, задрав голову, взывал к небесам. Женья тоже не остался в долгу и перешёл на нервный крик.

Субботин терпеливо слушал их перебранку и наконец не выдержал:

– Эй, да я смотрю, у вас завязалась милая беседа. Ты прерывайся иногда и просвещай меня, о чём вы там так рвёте горло.

– Подожди! – Женья отмахнулся и снова перешёл на испанский язык.

Сергей удивлённо взглянул на штурмана, но промолчал. К главному подключились гребцы, заголосили наперебой, надрываясь и заглушая друг друга.

– Наговорились? – спросил Субботин, услышав, что в перекрикивании наступила пауза. – И?

– Угрожают. Ещё спросили – это мы уничтожили их вторую лодку?

– Я, надеюсь, ты не стал отказываться?

– Нет.

– Представляю, как на нас обиделись.

– Не заметил. Скорее они гордятся, что их товарищи сумели сбить вертолёт. Считают их героями. Они думают, что это наш там внизу. Видели красные звёзды, удивлены и сожалеют, потому что никогда не считали русских врагами. И всё такое прочее в подобном духе. Они решили, что мы выжившие лётчики со сбитого вертолёта. Я не стал их разочаровывать.

– Правильно. Сюрприз будет.

– Серж, они пытаются убедить, что здесь находится опасно.

– Ещё бы! И, конечно же – предлагают нам спасенье! Ты им сказал, что русские не сдаются, а свою помощь пусть засунут в зад?! Неужели постеснялся? Я же сказал, чтобы ты им передал – пусть проваливают своей дорогой! Мы без них как-нибудь разберёмся.

– Всё я им говорил. Они не хотят новых жертв, так как у них мало людей. Но и уйти без нас не могут, потому что после того, как погибла вторая лодка, вон тот в шляпе, Гаспар, должен показать какому-то господину Раулю, кто её уничтожил. А мы должны будем рассказать, как нас сбили с их галеры. И ещё у их господина наверняка будет к нам множество вопросов. Поэтому мы непременно должны плыть с ними. Если откажемся – они возьмут нас силой. В общем, это краткое изложение всего, что они так темпераментно накричали.

– Сделай так: презрительным тоном пожелай удачи, но предупреди, что у нас с собой много оружия и мы в состоянии перестрелять их всех, как кроликов в курятнике.

Женя скривил недовольную гримасу, но спорить не стал и выкрикнул на галеру пожелания Субботина.

– Ответили, что не верят.

– Ах, не верят!

Сергей нервно вскочил и навскидку, не целясь, выстрелил. Попасть в человека с такого расстояния из ПМ нечего даже мечтать. Пуля подняла султанчик воды далеко за лодкой. С галеры в ответ пролаяли угрозы и нехотя отплыли от берега ещё на полсотни метров.

– Вот так-то лучше! – Субботин по-ковбойски дунул в дымящийся ствол. – Приятно, когда уважают.

– Ну и зачем ты это сделал? – не разделяя его радости, произнёс Женя. – Мы же ничего так и не узнали. Нужно было ещё поговорить, потянуть время, пока они пытались изображать друзей. А теперь нас объявили врагами.

– Вот так новость! Так это его напарник влепил очередь Дмитриеву по-дружески?

– Он хотел что-то рассказать об острове. Можно было хотя бы выслушать.

– Ещё слушаешь. Что-то я не вижу, чтобы они, обидевшись, уплывали.

– А вдруг здесь и вправду есть какая-то опасность?

– Запугивает. Остров как остров. Пересох только.

Но штурман промолчал, и Субботин понял, что на Женю угрозы с галеры произвели впечатление.

– Неужели ты им поверил? Это же дешёвый трёп, чтобы взять нас в плен без единого выстрела. Труссы! Вместо того, чтобы попытаться связаться с нами в перестрелку, они принялись сочинять страшные сказки. Женя, их всего девять. Девять трусов. Неужели ты их испугался?

– Серж, я всего лишь хотел узнать – почему здесь всё не так? Они это знают, а мы – нет! Ты совершенно не к месту поторопился объявлять войну.

Почувствовав правоту в словах штурмана, Сергей смущённо нахмурился и предложил:

– Есть вариант всё это узнать с позиции победителя. И не я первым объявил войну, а они. Следующий раз ты по ним не пали из пулемёта с таким остервенением. Оставь хотя бы одного живого. Возьмём его в плен и расспрашивай о чём хочешь. Логично?

– Ты сам сказал, что подняться к вертолёту мы сможем только по тёмному. А до ночи ещё не меньше двух часов. Мы должны были тянуть время, пока не стемнеет. Что, если они

сейчас полезут на нас в атаку? Ты уверен, что кроме пулемёта у них нет автоматов? Или чего ещё потяжелее?

– Отстреляемся! – попытался оправдаться Субботин. – Эта пещера не укрытие, а долговременный дот. Чтобы нас отсюда выковырять, нужно что-то не меньше пушки.

Голицын не стал ввязываться в спор и, насупившись, молчал, с опаской поглядывая на тёмный вход. Одна мысль, что там, всего в десяти шагах вдоль каменного коридора, лежит тело Михалыча, ввергала его в трепет. А перспектива провести с таким соседством хотя бы малую часть ночи вселяла животный ужас.

– Давай попробуем подняться в кратер пока светло, – предложил он, выглянув из пещеры, чтобы бросить взгляд на покатый склон.

– Безрассудный шаг. Зачем? – не соглашаясь, Сергей отрицательно качнул головой. – Внизу ещё куда ни шло. А выше крутой подъём. Будем взбираться, будто альпинисты, а они по нам стрелять, как в

тире. Сейчас уже, наверное, скоро начнёт темнеть, тогда и полезем. А ты чего такой бледный?

– Ничего... душно.

Рассеянный свет, чудом проникавший сквозь плотную серую оболочку над головой, неожиданно начал меркнуть. Это вовсе не было похоже на надвигающиеся сумерки или вечерний закат у моря. Темнота обрушилась на остров, будто рухнувшая штора, всего за пару минут. Где-то выключили рубильник и вокруг воцарился полнейший мрак. Субботин поднял перед глазами ладони и, не увидев их, потрясённо произнёс:

– Теперь я понимаю выражение – как у негра в... глотке. Я, конечно, не рассчитывал на лунную ночь, но чтобы вот так... Жень, ты со своим кошачьим зрением что-нибудь видишь?

– Ничего я не вижу.

– Слушай, а разве так бывает?

– Думаю, это потому, что солнечный свет может проникать сюда только под углом, близким к прямому. Солнце начало садиться, и теперь свет отражается от оболочки, как от зеркала.

– Какой ты умный. Ты бы ещё придумал, как найти выход из пещеры. И вообще, где ты сам? Протяни руку.

Нащупав ладонь штурмана, Сергей не сдержался от очередной шутки:

– Теперь мы с тобой как два слепых на ярмарке. Кто из нас будет поводыр?

– Надежда только на слух.

– На слух? Я ушами дорогу не вижу!

– Мы услышим шаги приближающихся испанцев.

– А ты думаешь, что они что-то видят? Здесь может помочь только прибор ночного видения. Сомневаюсь, что у них такой есть.

На мгновение Субботин замер, потом прибавил:

– Но если он у них есть, то нам конец. Может, они и темноту потому ждали? Давай-ка, Жень, поторопимся.

Он нащупал стену и потащил штурмана к выходу. Под ногами оказался камень, которым Сергей сам загородил выход и, зацепившись, он громко ругнулся. Затем дорогу перегородило бревно, и, чуть не рухнув, Субботин сбавил темп. Дальше шаг за шагом, едва-едва двигаясь вперёд, он осторожно ощупывал дорогу босой ногой.

– Далеко мы так с тобой уйдём, – шепнул сзади Жень.

– Хуже всего, что теперь я даже не представляю, куда идти? – откликнулся Сергей. – Кто из нас штурман? У тебя есть какие-нибудь соображения?

– А ты подъём наверх не чувствуешь? Нам бы с ровного места сойти, а там всё время в гору карабкаться. От выхода налево нужно было.

– Да где это лево? Мы крутимся на месте.

– Подожди, – остановил Субботина Голицын и прислушался. – Кажется, стукнуло весло о борт лодки.

– Мне тоже так показалось. Тишина какая... слышно каждый наш шаг.

– А ещё... ты обратил внимание, что температура не снизилась ни на градус? Обычно ночью становится прохладней.

– В тебе погиб дотошный исследователь. Женя, не о том думаешь. Подумай лучше, как нам в такой тьме найти вертолёт?

– Давай подождём. Может зрение адаптируется, и мы хотя бы тёмный контур горы рассмотрим.

Субботин протёр глаза, поморгал, оглянулся, но вокруг по-прежнему стояла непроницаемая стена. Он помахал перед носом рукой и не увидел её.

– Без фонарика не обойтись.

– Мы сразу выдадим себя! – запротестовал Женя. – Может, они только этого и ждут? Включим, а нам с лодки очередь. Слышишь? Там возня какая-то!

Со стороны берега донёлся негромкий всплеск, раздалась пара тихих фраз, и вновь наступила тишина.

– Придётся рискнуть. Без фонаря нам дорогу не найти. Сейчас подъём можно угадать по направлению на звуки с берега, но выше будет круче. Полезем на ощупь, разобьёмся к чёрту. Без фонаря никак, – мрачно вздохнул Сергей. Затем он похлопал по карманам и спросил: – А кстати, он у тебя?

– Нет.

– Как – нет?! Он же у тебя был?

Голицын зашуршал одеждой и ответил виноватым голосом:

– Серж, он в МСК остался. Темень так резко наступила, что я даже не успел... А разве не я предлагал взобраться в кратер, пока было светло?

Протяжно застонав, Субботин спросил:

– Что же нам теперь делать?

– Давай вернёмся. Мы не могли уйти далеко от пещеры. Она где-то рядом.

– Где-то рядом! – передразнил его Сергей. – Так мотнись по-быстренькому! Только ноги не сломай. – Успокаиваясь, он перевёл дух и тихо произнёс: – Ладно, оба хороши. А я, оказывается, в МСК пистолет оставил. Давай вспоминать, как мы здесь топтались. Может, получится в пещеру вернуться.

– А чего тут вспоминать! – бодро ответил Женя. Почувствовав возможность загладить свою вину, он весело добавил: – Не так уж и много ты здесь наблудил, чтобы я не смог разобраться. Дай руку.

Уверенно потащив Сергея назад к пещере, Голицын сделал пару петель, затем, прошагав с десятков шагов, неуверенно замер.

– Должна быть где-то здесь...

– Должна... кому и чего, Женя, она должна? – хмыкнул Сергей.

– Тише, – зашипел на него штурман, – где был звук?

Со стороны моря вновь отчётливо донёлся всплеск весла.

– Сзади! – оглянулся Субботин.

– Всё верно! Значит, пещера впереди. Мы могли выйти только в направлении берега.

– Это тебе твоя так называемая штурманская интуиция подсказывает?

– Это так называемое счисление пути.

– Тогда идём вперёд, – сдался Сергей, – против счисления пути я ничего не имею. Звучит красиво.

Голицын сделал ещё несколько шагов и вдруг упал, потянув за собой Субботина. Пошупав перед собой руками, он радостно сообщил:

– Серж, да это же наше бревно. Пещера рядом. Сейчас я точно определю, где вход.

Вытянув вперёд руку, он шагнул раз, другой и упёрся в каменную стену.

– Я же говорил, что она рядом. А ты не верил.

– Да верю я тебе, верю! На то ты и штурман. Ищи под ногами МСК. Я свой у выхода оставил. Твой дальше был.

Субботин почувствовал под ногами мягкую гладкую ткань и, опустившись на колени, принялся шарить, нащупывая кобуру с пистолетом. В ладонь уткнулся прохладный ствол, и он радостно выдохнул, ощутив его тяжесть.

– Нашёл? – спросил он штурмана.

– Сейчас, сейчас....Серж, ты будешь смеяться, но мой ПМ тоже в кобуре остался.

– Нам осталось только смеяться. Хорошо мы с тобой в поход собрались.

– Это обрушившаяся темень нас так из колеи выбила. А вот и фонарик!

Щёлкнув выключателем, Голицын заслепил Субботину глаза.

– Погаси! Дай его сюда.

Взяв ПМ в правую руку, фонарь в левую, Сергей оглянулся в поисках штурмана.

– Теперь всё взяли?

– Кажется, всё.

– Тогда пошли. Давай ты первым, а то я уже себе не доверяю. Слышишь?

Со стороны моря вновь донёсся отчётливый всплеск весла о воду.

– Это хорошо. Значит, они ещё на берег не высадились. Успеем уйти.

– Серж, подожди. Я никак пистолет от кобуры не отцеплю. Карабин заело.

Субботин замер, прислушиваясь, как Женя возится с неподатливым замком.

Ш-ш-ш... ш-ш-ш... неожиданно донеслось совсем рядом. Ш-ш-ш... ш-ш-ш... и опять наступила тишина.

– Что это? – прошептал штурман вмиг осипшим голосом.

– Замри, – едва шевельнул губами Сергей, но Женя его услышал.

Из глубины пещеры вновь раздался явственный шелест, будто кто-то шёл, шаркая подошвами по песку. Два шага – замер. Ещё два шага и вновь пауза, словно кто-то тоже прислушивался к тишине. Субботин пополз спиной по стене к выходу. Ладонь, сжимающая пистолет, вмиг вспотела. Мысли панически метались, стремясь найти объяснение. Но причина этих звуков могла быть только одна. Они плохо обследовали пещеру и не заметили того, кто в ней прятался. Это не мог быть зверь. Так переставляет ноги только человек. И теперь он идёт вдоль коридора, разыскивая выход.

Ш-ш-ш... ш-ш-ш... зашелестело уже совсем рядом. Сергею показалось, что он слышит как стучат Женины зубы.

– Приготовься, – шепнул он еле слышно. – Как включу фонарь – стреляй.

Ш-ш-ш... потянул кто-то ногой уже совсем близко.

«Даю ему ещё два шага», – решил про себя Субботин, еле сдерживая волнение в подрагивающих руках. На этот раз прошелестело один раз. Сергей не сдержался и нажал кнопку, выставив фонарь перед собой вместе с пистолетом на вытянутых руках.

Луч вспыхнул, вырвав из темноты каменные стены и оранжевый рукав МСК с торчащей из него костью. В тесном проёме коридора стоял Дмитриев. Голова на сломанной шее висела на груди и потому не были видны пустые глазницы. Руки его болтались словно плети, с безобразно растопыренными в стороны пальцами. Разорванный на груди комбинезон оголил месиво из плоти и костей. Единственно целыми у него казались ноги, и он стоял на них уверенно, не раскачиваясь и не сгибаясь.

Жуткий крик рвался, рвался из горла Сергея, да так и не вырвался. Он оцепенел, не в силах отвести фонарь в сторону.

Ш-ш-ш... ш-ш-ш... не обращая внимания на свет, сделал на прямых ногах ещё два шага Дмитриев, оказавшись в метре от штурмана. Первым не выдержал Женья. Хлопнул выстрел и выпачканное налипшим песком плечо в оранжевом МСК дёрнулось от удара пули. Затем истошный вопль взорвал ночь, и штурман, сломя голову, перелетев через Субботина, бросился прочь из пещеры. Сергей медленно пятился к выходу, не отводя луч от стоявшего перед ним Дмитриева. Ужас разрывал его сердце на части. Казалось, ещё миг и оно лопнет. Где-то в глубине сознания наружу рвался росток, требующий открыть беспорядочную стрельбу, но пальцы, будто гипсовые, его не слышали.

Ш-ш-ш... протянул ногу, будто шёл на лыжах, Дмитриев, и тогда Сергей не выдержал. Вскочив, он бросился вон. Бежал, перепрыгивая препятствия, умудрившись не споткнуться об них ни разу. На пути попадались сухие деревья, он таранил их, ломая и отбрасывая в сторону. Пробежав не разбирая дороги добрую сотню метров, он вдруг почувствовал под ногами воду. Сергей остановился и, увидев впереди чёрную гладь, понял, что весь свой путь он бежал с включённым фонарём. Щёлкнув кнопкой, он вернулся на берег и тихо позвал:

– Женья.

Сердце в груди никак не могло успокоиться и от переизбытка адреналина ухало будто колокол.

– Женья! – позвал он громче.

Штурман не отозвался, но за спиной треснула ветка.

– Женья, это ты?

Не выдержав игру в молчанку, Сергей вновь включил фонарь. Не скрываясь, перед ним стоял один из галерных оборванцев с гигантской дубиной в руках. После того, что Сергей увидел в пещере, уже никакие пираты не могли его испугать. Не раздумывая ни секунду, он хладнокровно выстрелил испанцу в грудь. Затем за спиной треснула ещё одна ветка, но обернуться Субботин не успел. Кто-то навалился на спину и схватил за руки, не давая возможности ещё раз выстрелить. Ещё кто-то повалился под ноги, захватив колени в замок. Затем тяжёлый удар обрушился на голову, и теперь ночь обрушилась и на его сознание, поглощая и унося в небытие...

Глава третья

Биржа новых профессий

Шлёп, шлёп, пауза.... Небольшой перерыв и снова журчащий шелест. Все мысли были о Дмитриеве. Сергей знал, что он где-то рядом, но никак не мог его увидеть. Он лишь слышал шуршание его шагов и с остановившимся сердцем приготовился ощутить на плече холодную и твёрдую, как камень, ладонь. Но сознание не выдержало надвигающегося испытания и жуткий крик вырвался наружу.

Сергей встрепенулся и, задышавшись от накатившего кошмара, громко застонал. Плеск вёсел затих, и два ряда гребцов обернулись в его сторону. Тонкая капроновая верёвка впиалась в кисти, как только он попытался встать на ноги. Тугая петля, стянувшая руки и связавшая их с коленями, заставила тело изогнуться в неудобной позе. Субботин огляделся по сторонам, всё ещё ожидая увидеть рядом Дмитриева. Но вокруг простиралась лишь тёмно-синяя гладь, да ползущий над ней туман. Сидевший в носу галеры испанец встал и, схватив Сергея за короткие волосы, вывернул голову назад. Пролаяв пару фраз, он кивнул кому-то за спину. Субботин оглянулся и увидел сидевшего между скамейками на дне лодки штурмана. Руки его тоже были связаны, но верёвка тянулась не к ногам, а была накинута на торчавший из борта деревянный штырь. Рядом с ним высилась горка из булыжников, собранных на берегу, как будто строго по одному размеру. Камни были очищены от песка и аккуратно сложены у ног вдоль лавок. Лицо Жени пересекала широкая ссадина с кровавыми краями. Он жалко улыбнулся и произнёс:

– Серж, я так рад, что ты пришёл в себя! Ещё немного и тебя бы выбросили за борт, посчитав, что ты уже не жилец. Этот в шляпе у них главный, и он вне себя от злости, что ты убил его гребца. У них теперь не получают равномерные гребки с обеих сторон. Он сказал, что теперь ты займёшь его место.

– Мы всё-таки вляпались... – Субботин удручённо кивнул и взглянул на стоявшего перед ним испанца. – Женя, ты же их понимаешь, что они собираются с нами делать?

– Нас отвезут на какой-то плавучий остров. Больше я ничего не узнал.

– Долго я был в отключке?

– Не знаю. Когда меня привели на лодку, ты уже здесь лежал. Минут десять назад рассвело. Ночью они почему-то не плавают, а вот сейчас готовятся.

Субботин оглянулся на близкий берег и, перейдя на шёпот, спросил:

– Скажи, что это нам двоим привиделось. Сразу, вдвоём, мы не могли сойти с ума. Я думаю, это какой-то газ виноват. Наверное, надышались в пещере, вот и словили галлюцинации.

– Нет, – Женя оглянулся на остров. – Я тоже на это надеялся, но мы не сумасшедшие и газ здесь ни при чём. Посмотри у входа. Отсюда видно.

Отыскав глазами пещеру у подножья горы, Сергей заметил лежащее недалеко от тёмного разлома тело Дмитриева. Его сигнального оранжевого цвета МСК выделялся на серых камнях.

– Да... – протянул озадаченно Субботин. – Впечатлений до конца жизни хватит. А этим дикарям что от нас надо?

– Не знаю, но думаю, что нас пока не убьют.

– И то ладно.

– Некоторых я уже знаю по именам. А ещё ты можешь не шептаться. По-нашему здесь никто не понимает. К главному они обращаются «шагомер Гаспар». Вон тот мулат – Эмиль. На соседней скамейке – Хосе. Ещё они говорят, что нашу судьбу решит какой-то господин Рауль.

– Пистолеты у них?

– Конечно! Их положили в тот деревянный жёлоб с маслом.

– С маслом?

– Да. Они и пулемёт туда разобранный сложили.

– Пока не отплыли от берега, нужно попытаться их достать и как-то сбежать. Покуда пулемёт соберут, мы уже будем на вершине.

– Не получится. Я уже думал. Верёвки чем разрежешь? Их не развязать и тем более не порвать. До берега тоже не близко. Остаётся только выжидать.

Сергей заёрзал ладонями, пытаясь ослабить петлю, но стало только хуже. Капрон больно впился в запястье, отчего пальцы налились кровью. Заметив его возню, подошёл шагомер Гаспар. Достав из-за пояса что-то похожее на сделанный из зелёного стекла нож, он перерезал Субботину верёвку на руках, но оставил связанными ноги. Указав на скамейку у пустующего весла, Гаспар недвусмысленно ударил Сергея в бок босой ногой.

– Серж, давай без глупостей! – шепнул Женя, заметив, что Субботин еле сдержался, чтобы не ударить в ответ. – Делай, как он сказал – сядь к веслу. Я слышал их спор. За убитого гребца большая часть команды хотела с нами расправиться. Мы

живы лишь потому, что так решил этот шагомер. Давай не будем давать ему повод передумать.

Сергей потрогал нывший затылок. Запёкшаяся кровь склеила волосы тонкой коркой, а за ухом прощупывалась болезненная и кровоточащая шишка.

– Ладно, не переживай. Я тоже не идиот и пока что на тот свет не спешу. А тебя как взяли? – спросил он Женю, подтягивая связанные ноги к скамейке.

– Я даже не понял, куда меня занесло. То деревья, то вода. Больше всего я боялся в темноте наткнуться на Дмитриева. Всё думал, что он бродит по острову. А потом эти начали кричать, что если я не выйду – они тебя убьют. Думал как-то тебя отбить, да не вышло.

– Понятно. Герои-одиночки из нас хреновые. Ладно, как говорят, войны выигрываются не лихими подвигами, а грамотными манёврами. Подождём, посмотрим, что будет дальше.

Субботин сел на лавку напротив мулата, которого Женя назвал Эмилем. Взяв в руки толстое древко, он невесело хмыкнул:

– Эх, давно я не брал в руки вёсел. Помню, как-то на рыбалке...

Остальные гребцы оглянулись и, дождавшись, пока он будет готов, дружно опустили вёсла в воду. Сергей, не ожидавший такой слаженной работы, замешкался и вместо чёткого гребка получил невнятный шлепок по воде. Стоявший в корме галеры Гаспар бросился по проходу и больно ударил Субботина кулаком в плечо. Выкатив глаза, он закричал ему в лицо, затем вернулся в корму и, взяв в руки моток верёвки с завязанными узлами, сел на своё место.

– Серж, он сказал, что ты должен грести как все. Веслом необходимо идти от упора до упора. Поднимать его в воздух можно только тогда, когда оно упрётся в стопор.

– Да... – невесело усмехнулся Сергей. – Нелегко переквалифицироваться из лётчика в раба на галерах. Чёрт! Знал бы, что всё так выйдет – не стрелял бы в того гребца. Может, тогда и жилы не пришлось бы рвать.

Но делать нечего. Следующий взмах он выполнил чётко со всеми, и косившийся в его сторону Гаспар довольно кивнул. Постепенно Субботин вошёл в общий ритм и даже почувствовал удовольствие в занывших от напряжения мышцах. Галера быстро заскользила по гладкой воде, оставляя позади спасительный берег. Вершина горы постепенно скрылась в дымке.

«Спасение совсем рядом, – с грустью взглянул на кратер Сергей. – Там спрятана их козырная карта. Да только как её вытащишь из рукава?»

Со стороны его борта показался торчавший из воды фюзеляж вертолѐта Дмитриева. Но если ещё вчера он выступал над поверхностью на две трети, то теперь от него выглядывали лишь часть киля, да оставшийся без лопастей блок автомата перекоса. Перехватив удивлѐнный взгляд штурмана, Сергей шепнул:

– Наверное, зыбучее дно. Постепенно засасывает.

– Не знаю, – ответил с сомнением Женя. – Я уже ничему не удивлюсь. Ещё я заметил, что они боятся воды. Чтобы высадиться, галеру подогнали вплотную к берегу. И даже после этого они сходили на сушу по переброшенному помосту, не замочив ног.

– Боятся этого чёртового мазута! – Сергей с натугой упѐрся в весло и, лишь когда оно зависло в воздухе, продолжил: – У нас МСК пожрало, а уж с босыми ногами...

Неожиданно вдалеке за вертолѐтом мелькнуло оранжевое пятно.

– Стой! – закричал Субботин, бросив весло. – Там кто-то из наших. Скажи ему, чтоб повернул.

Гаспар удивлѐнно оглянулся, затем посмотрел за вытянутой рукой Сергея. Пятно на воде его тоже заинтересовало. Кивнув, он выкрикнул команду и повернул руль.

Перегнувшись через борт, Сергей глядел на приближающееся тело. Белый шлем утонул голову под воду и на поверхности виднелась лишь спина. Узнать, кто это из штурманов было невозможно. Поравнявшись, Субботин схватил комбинезон за воротник и потянул на себя. Тело поддалось удивительно легко и он без труда подтащил его к борту. Но когда Сергей понял причину этой лёгкости, у него к горлу подкатила тошнота. Целым тело было лишь до пояса. Ноги отсутствовали, вместо них в воде колыхалась бахрома внутренностей. Пальцы непроизвольно разжались сами собой. Туловище скрылось, затем всплыло лицом вверх.

– Это оператор, – дрогнувшим голосом произнёс за спиной Женя. – Они говорят, что его съела слизь.

– Слизь?

– Так они называют эту чёрную массу на дне. Она жрѐт всё. И вертолѐт погружается лишь потому, что это его снизу жрѐт эта слизь.

– Спроси, откуда она взялась?

– Со дна. Она здесь повсюду.

– Скажи, что его нужно отвезти на берег!

– Нет. Даже слушать не хотят.

Гребцы вновь налегли на вёсла, и галера поплыла прочь от острова. Гора быстро превратилась в размытый силуэт, затем и вовсе исчезла. Сидевший в корме Гаспар зафиксировал руль и, взяв в руки моток верѐвки, начал его разматывать. При этом он шевелил губами, внимательно следя за гребцами. Субботин догадался, что он считает взмахи вёсел. Отсчитав полсотни, он протягивал сквозь ладонь один узел на верѐвке. Сотня обозначалась узлом покрупнее. Через полчаса у ног Гаспара уже свернулась петлями небольшая узловатая змейка, перемотанная из главного клубка.

– А ведь он твой коллега, – шепнул штурману Сергей.

– Да, – согласился Женя. – Он считает пройденное расстояние. Я тоже сразу догадался. Примитивный метод, вполне приспособленный под местные условия. Хотя, очевидно, эффективный. Здесь нет ветра. Нет волн и течений. Если взял правильное направление, то можешь плыть по прямой, при условии, что гребцы создают строго одинаковые усилия на вёслах. С одной стороны просто. Но с другой, есть свои сложности. Видимость небольшая, бинокль здесь бесполезен. А компасом тоже не воспользуешься. Так что его вполне обоснованно называют не штурманом, а шагомером.

– Логично.

Субботин взглянул на зачесавшиеся ладони. На них горели красные мозоли. Он оглянулся на сидевшего напротив мулата и подмигнул. Совместный труд сближает даже врагов.

Худошавый Эмиль покрылся потом, и Сергей, несмотря на то, что и сам тоже был мокрый, не удержался от иронии:

– Что, капуцин, на пальме было лучше? Что ж ты на галеру подался? Или бананы уже в горле встали?

Мулат улыбнулся в ответ и тоже подмигнул. Блеснув белыми зубами сквозь пухлые губы, он неожиданно произнёс:

– Русико, привет!

Субботин опешил. Скосив в сторону рот, он шепнул:

– Так он что, нас всё время подслушивал? Ты же говорил, что никто не понимает.

– Подожди.

Женя пододвинулся к Эмилю и заговорил по-испански. Затем он успокоил Сергея.

– Нет. С десятков слов, не больше. Он кубинец. Его отец когда-то у нас учился. Тот наш язык получше знает. Хотел и сына научить, да он бестолковым оказался.

– А... понятно.

Оглянувшись, Субботин заметил, что остальные гребцы слышали разговор Голицына с мулатом, но никто не обратил на это внимания. Гаспар лишь раз взглянул из-под шляпы на штурмана и вновь продолжил считать взмахи вёсел. Казалось, и он ничего не имел против этого разговора. Тогда Сергей кивнул Жене на кубинца.

– Этот мне кажется вполне адекватным. Ты бы расспросил его о том, что здесь творится. Как ты там говорил – самое время собирать информацию.

Подмигнув Эмилю ещё раз, Субботин весело произнёс:

– Привет, Че Гевара! Как там на острове Свободы? У тебя дома строительство коммунизма идёт полным ходом, а ты сюда на заработки удрал?

Кубинец наморщил лоб и выдал пару матерных слов на безупречном русском. Затем, порывшись в памяти, он начал перечислять:

– Наташа, Москва, водка, сколько ты стоишь, я тебя лублу, займи до стипендии.

Исчерпав весь запас, он заглянул Сергею в лицо, словно ожидая аплодисментов.

– Молодец! Уже у нас не пропадёшь. Женя, спроси – куда мы плывём и сколько ещё грести? У меня руки отваливаются.

– Говорит, что ещё долго. Но мы можем не волноваться, Гаспар хороший шагомер и не промахнётся мимо их острова.

– Это радует. Я только об этом и переживаю, как бы не пропустить встречу с господином Раулем. Кстати, узнай, кто он такой?

На этот раз Эмиль отвечал неохотно, то и дело поглядывая на других гребцов. Женя старался изо всех сил, обходя прямые вопросы и по капле выуживая из кубинца хотя бы намёки на их господина... пока тот не перестал отвечать и отвернулся.

– Говорит, что их хозяин – знатный сеньор. Ещё мальчишкой он был подручным у самого Родригеса Гача. Позже дон Рауль создал свой колумбийский картель. Но это было ещё перед самым закрытием неба.

– Закрытием неба? Расспроси, что это значит?

– А ты не понял? Когда-то здесь было обычное море. Но затем над ним появилась эта шапка, и всё изменилось. Двери захлопнулись. Остальной мир стал недостижимым. Мы оказались в руках наркоторговцев, волей случая угодивших в эту закрытую зону.

Отложив на скамейку верёвочный моток, встал шагомер Гаспар. Гортанно выкрикнув, он объявил отдых. Сергей поспешно оттолкнул весло и опустил ладони в воду. Она оказалась такой тёплой, что тело её едва ощущало. Гаспар прошёл вдоль ряда и, склонившись, разрезал верёвку на ногах Субботина. Натянув привязь, ему протянул свои связанные руки Голицын. Шагомер вспорол узел и, кивнув за борт, произнес:

– Если хотите, можете бежать. Никто вам мешать не будет.

- Что он сказал? – Сергей дёрнул Женю за руку.
- Сказал, что нас никто не держит.
- Мне начинает нравиться юмор этих ребят. Может, они ещё и вернут нас туда, откуда взяли? А я бы пообещал, что не буду им мстить.
- Никто нас никуда не отвезёт. Весь смысл в том, что в воде обитают какие-то твари, которых они боятся как огня. Он хотел этим сказать, что выбор у нас невелик. Или остаться с ними и не создавать проблем, вынуждая нас охранять. Или идти на корм.
- Понятно. Придётся согласиться. Не могу сказать, что они мне нравятся, но, во всяком случае, они лучше акул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.